

© 2008 г. ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

АНАТОЛИЙСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА И СЛОВА В СТАРОАССИРИЙСКИХ ТЕКСТАХ XX–XVIII ВВ. ДО Н.Э. – ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Среди собственных имен древнего населения староассирийских колоний в Малой Азии сохраняются архаические общеиндоевропейские типы сложения двух именных основ, связываемых соположением или соединительным тематическим гласным *-o- > анат. -a- (в частности, с последними элементами *lega-* «сестра», *ḥṣu-* «рожденный» и с **sor-* «женщина»), а также образуемых сочетанием существительного и следующего за ним постпозитивного притяжательного местоимения. Имена от индоевропейских основ образуются тематическим гласным и суффиксами -*ni-*, -*um/wan-*, -*ala-*, *ili-*. Термины древнеанатолийского происхождения *tuzzi-nim* (хет. *tuzzi* «войско») и *ubadinni* (из лувийск. *upa-ti-t* «надел») помогают восстановить древнюю систему феодальных услуг.

1. АНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Последние годы ознаменовались крупными достижениями в исследовании индоевропейских языков Малой Азии II–I тысячелетий до н. э. Хеттский язык, начало научного изучения которого положил 90 лет назад Б. Грозный, предстал по-новому в историческом аспекте благодаря обнаружению отличий древнего пошиба клинописи XVII–XVI вв. от знаков письма времени Нового Царства (Хеттской Империи, XIV–XIII вв. до н.э.) и промежуточного (среднехеттского) периода. Сравнение наиболее ранних текстов с их поздними копиями и с сочинениями среднехеттского и новохеттского времени позволило удостоверить предполагавшиеся и ранее существенные различия в написании слов и в грамматике: например, в древнехеттском языке будущим новохеттским послелогам с местным значением, сочетавшимся с падежными формами самостоятельных личных местоимений типа *zūk* «тебе, тебя» + *katta(n)* «под» (= др.-греч. κατὰ, все сочетание вместе в новохеттском означает «с тобой»), соответствуют древнехеттские релятивные существительные с постпозитивными притяжательными местоименными суффиксами типа *katti-ti* «под тобой» = «твоему низу», построенные по образцу *ešri-ti* «твоему образу». Если раньше об употреблении хеттского языка можно было судить только на основании материалов столичного архива Хаттуса (совр. Богаз-Кале, раньше называвшееся Богаз-Кёй) и единичных находок в других местах (как Угарит), то теперь можно использовать и недавно открытые собрания текстов из провинциальных центров – Машата (Taḫumtu), Сариссы (Кушаклы), Сапинувы (Ортакёя) в Малой Азии и Эмара (Мескене) в Северной Сирии. Выяснилось, что хеттский язык, оставаясь основным официальным языком администрации, суда, большинства официальных церемоний и обрядов, понемногу уступал место другому родственному языку – лувийскому. Писцы, на которых в условиях безграмотности основной массы населения ложилась задача записи текстов (по месопотамским образцам, с большим числом шумерских логограмм и аккадских гетерографических написаний) самых разных жанров, в основном были лувийцами, а не хеттами. Они в изобилии вставляли в хеттские тексты слова своего родного лувийского диалекта, иногда помечая их особым клинописным знаком – «глоссовым клином». Кажется вероятным давно высказывавшееся предположение, по которому к концу времени Нового Царства

хеттский язык сохранялся только в качестве общегосударственного, а население в основном говорило на лувийских диалектах¹. Остается выяснить, не выходил ли хеттский язык из живого употребления и нельзя ли в размытости и нечеткости парадигм и правил новохеттской грамматики видеть следы отмирания языка после среднехеттского периода (еще документированного как естественная стадия развития, например, в Машате). Начиная с XVII в. до н.э. (почти одновременно с клинописными хеттскими текстами) появляются немногочисленные очень короткие иероглифические лувийские надписи (больше всего имена на печатях, часто в сопровождении параллельного хеттского клинописного текста), использующие оригинальную систему письма. Есть сведения о наличии деревянных досок, на которых писали иероглифами, но они не сохранились (возможно сгорели при пожарах) или по другим причинам не найдены. К концу Нового Царства появляются (в том числе в столичном царском дворце у ритуального пруда) большие пространные тексты на лувийском иероглифическом языке, отличавшемся от клинописного, на котором записано ограниченное число текстов (главным образом ритуальных) времени Хеттского Царства. С концом Нового Хеттского Царства на рубеже XIII и XII вв. н.э. прекращается запись клинописью не только хеттских текстов, но и лувийских. Еще раньше обрывается клинописная палайская традиция, пользовавшаяся языком северно-анатолийским, по существенным признакам примыкавшим к хеттскому. В древнехеттский период, когда составлялся ранний вариант Хеттских законов, в них различаются еще три части государственного объединения, каждая со своим особым языком – Пала, Лувия и страна хеттов (Хатти, занимающая название из древнего автохтонного неиндоевропейского – как мне представляется, северо-кавказского – священного хаттского языка, давно мертвого). Пала постепенно делается все менее важной частью государства, а границы между Лувией и собственно хеттской областью становятся менее ясными. Лувийское же иероглифическое письмо и связанная с ним форма лувийского языка после гибели Хеттского Царства и конца хеттской письменной традиции еще несколько веков сохраняются в употреблении на Востоке Анатолии и главным образом в небольших княжествах Северной Сирии. Их правители изображали из себя видных царей на манер хеттских. Это сказалось в некоторых формах иероглифического лувийского языка, вторящего внешним видом хеттскому (в отличие от других лувийских диалектов). Более глубоким образом с исчезнувшими северно- (или восточно-) анатолийскими языками уже в античное время (когда каждый из сохранившихся языков Малой Азии начинает пользоваться собственным вариантом алфавита финикийско-древнегреческого типа) связан лидийский. Но он окружен диалектами лувийского или языками, от них происходящими, и поэтому содержит в себе и ряд явлений, сходных с южно- (или западно-) анатолийским. К последнему восходят многочисленные языки, изучение которых продвинулось за последние десятилетия: ликийский, непосредственно продолжающий лувийский, и его архаический вариант, использовавшийся в поэтическом тексте, – мильский («лийский Б»), карийский, наконец поддавшийся дешифровке благодаря открытию многочисленных параллельных надписей на карийском и древнеегипетском и обнаружению карийско-греческой билингвы, и известные по коротким и не всегда ясным текстам сидетский и писидийский. Отнесение всех этих языков к южно-анатолийским теперь общепризнано. Вызывает дискуссию соотношение северно-анатолийского с южно-анатолийским. Обилие различий в существенных с исторической точки зрения чертах структуры заставляет признать их двумя далеко разошедшимися друг от друга индоевропейскими диалектами, более позднее схождение которых из-за длительного двуязычия и контактирования на смежных территориях привело к образованию анатолийского языкового союза. Согласно альтернативной точке зрения,

¹ [Van den Hout 2005]. По подсчетам Ван ден Хоута всего в напечатанных хеттских текстах есть 832 лувийских слова, помеченных глоссой клином, и 831 лувийское слово, вставленное в текст без оговорок.

Lidio/Lydian
 Sidético/Sidetic
 Cario/Carian
 Licio/Lycian

Лидийский, сидетский,
карийский, ликийский

Luwita/Luwian
 Pisídico/Pisidian
 Hetita/Hittite
 Palaico/Palaic

Лувийский, писидийский, хеттский,
палайский

эти общие явления достаточны для признания всех этих языков потомками одного индоевропейского праанатолийского языка. Географическое взаимное расположение и генеалогические связи названных языков схематически представлены на карте 1 и таблице 1. Условность этого представления определяется хронологическими различиями: языки II тысячелетия до н.э. – хеттский, палайский и лувийские – лишь с натяжкой можно изобразить на одной карте или представить в одной таблице с языками

Таблица 1

Анатолийские языки II–I тыс. до н.э.			
северные (восточные)	промежуточный	южные (западные)	
хеттский (Hittite) времени Нового Царства. среднехеттский древний хеттский (несийский, nešimnili, pa/ešili «по-несийски») палайский (Palaic)	Лидийский (Lydian)	лувийский (Luwian)	клинописный
			иероглифический
			ликийский(A) (Lycian) милыйский (Milyan)
		карийский (Carian)	
		Сидетский (Sidetic)	
		Писидийский (Pisidian)	

следующего тысячелетия – ликийским, милийским, карийским, сидетским и писидийским, тогда как иероглифический лувийский при почти тысячелетней истории в разные периоды представлен не единообразно – то краткими надписями на печатях (в раннее время), то длинными официальными текстами (на позднем этапе). На карте трудно представить и разницу между новохеттским как официальным койне и разговорными лувийскими диалектами, используемыми в тех же местах (но в других жанрах речи).

2. СТАРОАССИРИЙСКИЕ ТЕКСТЫ И АНАТОЛИЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НИХ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАБОТЫ

В настоящее время оказывается возможным расширить и достаточно далеко отодвинуть вглубь прошлого как рамки исторических свидетельств об индоевропейских языках в целом, так и историю десяти древних анатолийских индоевропейских диалектов Малой Азии. Это делается реальным благодаря успехам в изучении староассирийских текстов из торговых колоний в Анатолии.

Впервые староассирийские документы из Каниша были обнаружены местными жителями, продававшими их приезжим. Они были частично исследованы в конце XIX в. В особенности внимание к ним во всем научном мире было привлечено после пионерской публикации великого русского египтолога В.С. Голенищева, определившего язык приобретенных и изданных им в прорисовке 24 текстов², за чем сразу последовали серьезные опыты прочтения знаков староассирийской клинописи³. В начале XX в. появились первые публикации тогда еще едва читавшихся текстов. Их раздобывали у местного населения. Всего за это время было куплено у обитателей окрестных поселений и попало в музеи 3723 текста⁴. Первые раскопки текстов не прибавили. Только после начатого в 1925 г. (иногда не вполне качественно с профессиональной археологической точки зрения) патриархом-основателем хеттологии чешским ученым Б. Грозным обследования зданий на территории Кюль-Тепе (древнего Каниша, хеттской Несы) возникла возможность привлекать данные о местоположении находок. Грозным было найдено и приобретено у местных жителей еще 1 034 документа. Позднее стали обнаруживаться и некоторые другие центры деятельности староассирийских торговцев, где также сохранилась часть их архивов: 63 текста нашли в Алишаре, отождествляемом гипотетически с древней Амкувой, 72 текста староассирийского периода найдено в Хаттусасс-Богазкёе, тогда как буллы с печатями этого периода найдены и в Ачемгюйюке – вероятно, древней Пурусханде; совсем немного текстов – всего 54 – обнаружены в столице самой Ассирии – Ашшуре, тогда как в Нузи и других местах за пределами Малой Азии – 27 текстов. Основные места находок в Малой Азии – в Канише (Канеше – хеттской Несе, по которой хеттский язык называли «несийским» – *peš-umḫ-ili* ‘по-несийски’), Хаттусасе, Амкуве (Анкуве), Ачемгюйюке – показаны ниже на карте 2 (совсем недавно к этим четырем местам добавилось пятое – Каман – Калегюйюк [Omura 2002]).

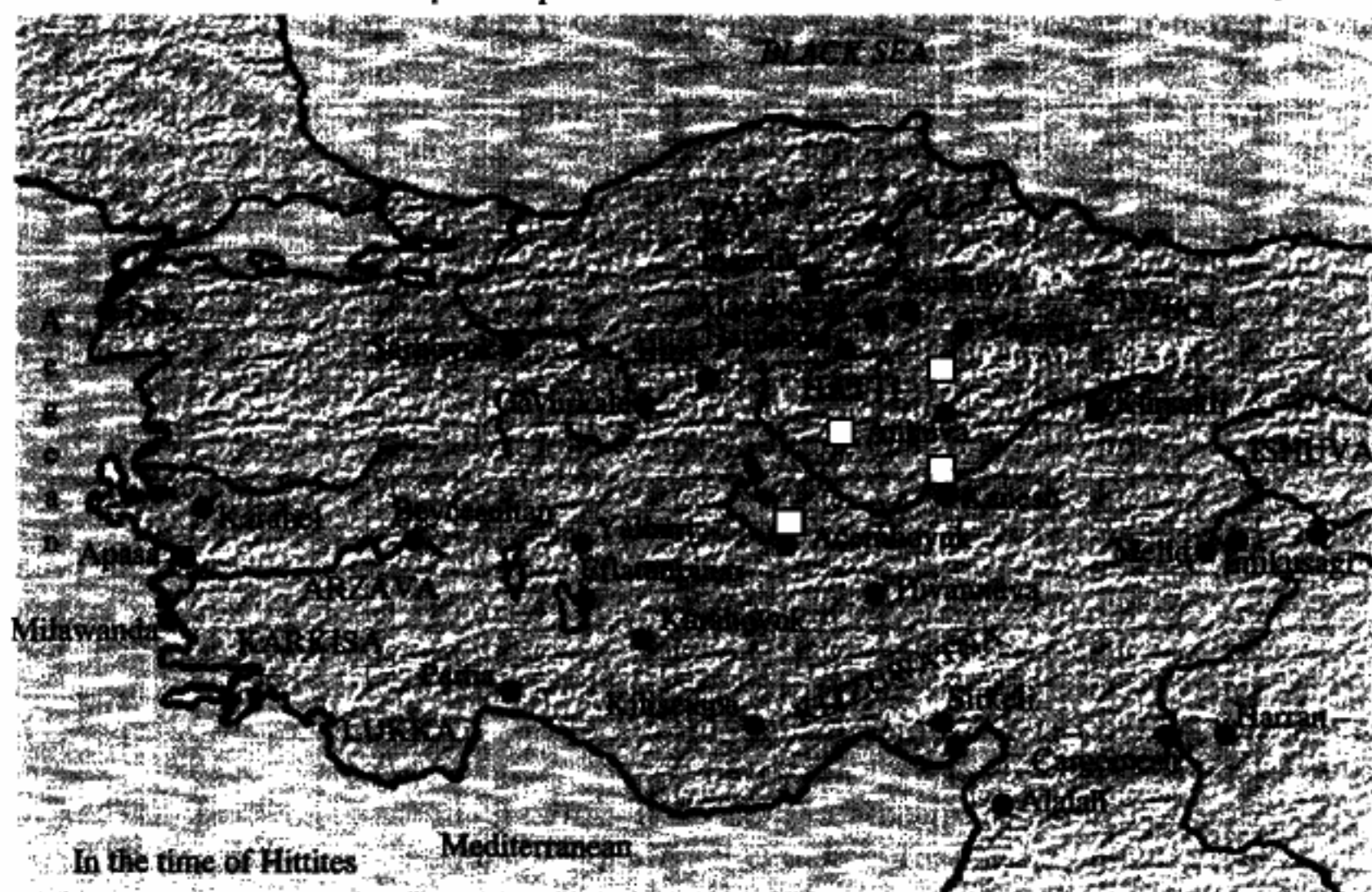
Исследование уже найденных и вновь обнаруживаемых (в частных собраниях, в музеях и на раскопках) староассирийских текстов продолжается на протяжении всего XX века и начала нашего столетия. После первых успешных опытов 1948 г. все последние десятилетия турецкие археологи планомерно изучают поселение ассирийских торговцев в Канише. Всего в 1948–2001 гг. раскопано 17549 текстов. Каждый год работы археологов приносит сотни текстов. В 2007 г. найдено около 200 табличек⁵. Об-

² [Golénischeff 1891]. О значении этого издания текстов ср. [Янковская 1968: 12; Michel 2001: 24].

³ [Delitzsch 1893; Jensen 1894]. Подробные сведения о последующих публикациях вплоть до последних лет содержатся в недавней книге [Michel 2003].

⁴ Здесь и далее статистика по [Michel 2003].

⁵ <http://www.hri.org/news/turkey/anadolu/1998/98-09-11.anadolu.html#24>.

щее число найденных за годы раскопок табличек перевалило за 20000 (напечатано из них примерно 500, тогда как ставшие ранее известными тексты, полученные до регулярных раскопок, почти все опубликованы и изучены, что приводит к парадоксально малой степени понятности происхождения наиболее исследованной части архива). Включая отмеченные выше осевшие в музеях покупки позапрошлого и прошлого веков, найдено уже около двадцати пяти тысяч текстов. Их исследование шло медленно. Препятствовали особенности графики и языка, отделяющие этот особый диалект аккадского от ранее изученных. В первой трети XX-го века лишь немногие ученые, как наш гениальный соотечественник В.К. Шилейко [Шилейко 1921], овладели приемами чтения и толкования староассирийских текстов. Но дальнейшее продвижение в этой сфере привело турецких хеттологов Балкана и Бильгича и великого ассириолога и хеттолога Гётце (к тому времени уже работавшего в эмиграции в США) к выдающемуся открытию – они обнаружили, что внутри основных частей, написанных на староассирийском диалекте аккадского, эти тексты содержат также и некоторые заимствования из туземных языков Малой Азии – индоевропейских анатолийских – и собственные имена, восходящие к той же группе индоевропейских языков. Гётце первым нашел и значительное число данных, позволяющих удостоверить преемственность традиции образования и правил построения таких собственных имен на протяжении двух тысячелетий истории анатолийских языков. Этот вывод был подтвержден большой коллекцией имен, собранной крупным французским хеттологом Ларошем, который в своем исследовании хеттской ономастики отвел специальную главу «каппадокийским» именам туземцев староассирийских торговых колоний; его заслугой перед наукой явилось строгое доказательство индоевропейского происхождения нескольких основных типов этих имен [Laroche 1966: 297–316], что до того решительно отвергалось видными представителями немецкой хеттологической школы. Дальнейшее изучение староассирийских текстов и их хронологии привело к новым открытиям.

Во-первых, период существования староассирийских колоний оказалось возможным существенно удревнить. Это доказано путем соотнесения нескольких методов датировки. Весьма точные данные дает дендрохронология. Проведенные с ее помощью детальные хронологические изыскания показывают значительную протяженность

раннего периода истории древнеанатолийских городов, еще не давших пока письменных свидетельств о характере своей культуры в XXII–XXI вв. до н.э. Об этом времени, кроме археологических находок, свидетельствуют рассказы полуполюгендарного характера (о походе Саргона I в Малую Азию, о последующем восстании трех местных царей против ассирийцев). Современные исследователи склонны усматривать в этих легендах крупнцы исторической правды. Леви первым реконструировал следы (в том числе и языковые) существовавшего до ассирийских походов мощного туземного царства с центром в Канише. С этим согласуются выводы позднейших исследователей о следах древней письменной литературы в Несе – Канише на языке хеттском, который продолжал носить название «несийского»-«канесийского». Восстановлены и следы древнего пантеона Каниша.

О более позднем периоде можно судить по сохранившимся текстам. Они соответствуют двум археологическим слоям раскопок II и Ib. Время существования в этих двух слоях староассирийских колоний и написания дошедших до нас текстов оценивается примерно как 1950–1723 до н.э. Для этой эпохи выяснены многие детали существования староассирийских колоний от XX в. до н.э. вплоть до эпохи первых древнехеттских царей, в частности, Анитты. Надпись, написанная последним (точнее от имени последнего) клинописью древнехеттского попиба (отличного от староассирийской клинописи), может быть соотнесена с надписью «двора Анитты» на кинжале времени конца ассирийских поселений в Кюль-Тепе.

Во-вторых, уточнение списков староассирийских эпонимов дало возможность наметить внутреннюю хронологию колоний в Малой Азии⁶.

Опубликовано и помещено в Интернете значительное число ранее раскопанных и вновь открытых текстов в клинописных подлинниках, их копиях и в транслитерации. Для многих из них сделаны подробные переводы с комментариями. Б. Грозный и его ученики и продолжатели опубликовали раскопанные его археологической экспедицией тексты. Одним из первых описаний полной коллекции было сделанное Н.Б. Янковской в ее образцовом издании староассирийских табличек из музеев (предреволюционных частных коллекций) Санкт-Петербурга и Москвы⁷. За этим последовал ряд изданий больших собраний текстов, хранящихся в разных музеях мира. В последние годы образовалась международная группа специалистов из разных стран, которая начала готовить комментированное издание текстов, хранящихся в разных музеях и купленных или полученных до начала систематических раскопок. Первый том этой новой серии, которая будет описывать частные архивы и соответственно коммерческую деятельность и жизнь отдельных ассирийских торговцев, недавно вышел [Larsen 2002]. Постепенно начинается и издание огромной коллекции вновь найденных турецкими археологами материалов⁸. На современном этапе изучение туземных собственных имен оказывается особенно плодотворным. С его помощью удастся выяснить границы самостоятельных этнических групп, по ономастическому признаку⁹ отличавшихся от староассирийских торговцев¹⁰. Выясняется и ряд других черт, объединяющих аналитовцев в отличие от староассирийских групп жителей Каниша и других малоазиатских городов (см. в конце статьи табл. 2).

⁶ [Veenhof 2001; Kryszat 2004]. Вновь найденные списки эпонимов показали верность гипотезы Н. Б. Янковской [Янковская 1968], на основании имевшихся недостаточных данных предположившей приблизительно верное общее число эпонимов и соответствующее удлиненное время существования староассирийской колонии в Канише.

⁷ [Янковская 1968], ср. [Veenhof 1970].

⁸ Кроме многочисленных статей (обзор [Michel 2003]), см. [Michel, Garelli 1997].

⁹ Для уточнения критериев существенны и продвинувшиеся исследования собственно староассирийских имен [Eidem 2004].

¹⁰ Из публикаций последнего времени следует особенно выделить методологически ценную подборку фрагментов текстов, относящихся к аналитовцам [D: 156–174].

Это богатство лишь в малой степени освоено индоевропейцами¹¹. Предлагаемый очерк (остающийся предварительным, т.к. большое число открытых текстов все еще лежит в музеях неопубликованными и не полностью обследованными) должен дать лишь первое приближение к разработке темы. Из множества имен, на основании имевшихся полвека назад материалов, рассмотренных уже Ларошем, выбраны наиболее показательные.

3. АНАТОЛИЙСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В СТАРОАССИРИЙСКИХ ТЕКСТАХ. СЛОЖНЫЕ СЛОВА

А. Двухосновные сложные имена с соединительным тематическим гласным

В собственных именах древнего населения староассирийских колоний сохраняется архаический общеиндоевропейский тип образования собственных имен посредством сложения двух именных основ, связываемых соединительным тематическим гласным **-o-* > анат. *-a-*. Этот тип словосложений отличается от позднейшего состояния древнехеттского, лувийского и других анатолийских индоевропейских языков. В них словосложение теряло свое значение (особенно в словообразовании), и при этом полностью исчез тип сложения с соединительной гласной. Его след можно видеть только в уже неразложимых древнехеттских *composita*, как *men-a-ḫḫanda* '(на)против, перед, по направлению к' [CHD, vol. 3, fasc. 3, 1986: 274–288] < *men-(i/a)* 'лицо, щека' [там же: 289–290] + *-a* < **-o-* + *ḫand-a* 'в сторону' (древняя форма направительного надежа-директива от *ḫant-* 'передняя сторона, лоб'¹²).

А I. Архаический тип древнеанатолийских женских собственных имен представляет собой словосложение с последней (второй) основой *-ne/ik/ga-*; в соответствии с древними принципами индоевропейского словосложения перед этой основой выступало соединительное **-o-* > *-a-*. За первой именной основой следовала группа морфов *-a-nig/ka*. Основа существительного, в древнеанатолийском (др.-ан.) выступающая как *nika*, в древнехеттском – *nega-* «сестра, кровная родственница *ego* в его поколении», принадлежит к архаичным общим элементам анатолийского (древнехеттского и лувийского) словаря. Передававшийся в хеттской клинописи несдвоенным написанием интервокального смычного *-g/k-* индоевропейский звонкий придыхательный заднеязычный в лувийском исчезал: хеттск. *anna-nega-* 'двоюродная сестра' соответствует лувийск. *anna-niya-[mi]* (первая половина сложения представляет собой анатолийское имя «матери» – в несвязанной форме лувийск. *ann-i*, отвечающее оноματοпоэтическим формам «детских» имен родства в других языках), хеттск. *neg-na* 'брат' – лувийск. *nana-sr-i* «сестра»: к соответствующему лувийскому названию сиблинга – брата и сестры вместе взятых присоединен последний элемент, обозначающий в индоевропейском женщину (см. ниже). Следовательно, исходная основа, близкая к хеттской, восстанавливается для праанатолийского (и, если считать два анатолийских языка, где

¹¹ Исключение составляет статья [Tischler 1995]. Часть соответствующих материалов была использована в словаре [Tischler 1977–1998].

¹² Слово как название части тела (лба, носа, профиля лица) **H(o)nt-* имеет соответствия не только в древних индоевропейских языках, но и в афро-азиатском (древнеегипетском и чадском) и возводится к древнейшим элементам хеттской и индоевропейской лексики. К тому же семантическому полю принадлежит и название 'лица, щеки' **men-*, с суффиксом **-to-* образующее название 'рта, подбородка'. Избыточное соединение двух слов одного семантического поля внутри этого древнехеттского словосложения напоминает семитские принципы синонимической организации поэтической речи и может быть архаичным. Др.-хет. *men-i-* является основой на *-i-* в древнейшей надписи Анитты и поэтому *-a-* служит не приметой предшествующей основы, а соединительным гласным. О древности сложений с таким последним элементом свидетельствует название древнего (по данным дендрохронологии существовавшего уже в XXII в. до н.э.) города *Puruš-ḫanda*, но в нем нет соединительного гласного (первый элемент может быть прообразом этнонима пруссов).

она представлена, разными индоевропейскими диалектами, то и для праязыка, из которого они происходят). Эта общеанатолийская основа восходит к ностратическому: Чоп предложил возводить ее к индо-уральскому, сопоставляя с венгерск. *lő* и другими финно-угорскими и самодийскими названиями 'женщины' [Čop 1979: 21; Иванов 1990: 84]; более точное соответствие обнаруживается в алтайском **nek'V* > тунгусо-маньчжурск. **neku* 'младший родственник (сестра, брат)' > негидальск. *нэхун* 'двоюродный младший брат, двоюродная младшая сестра, племянник, племянница, брат или сестра мужа или жены, младше говорящего; младший, младшая', дравид. *nāg-* 'младшая женщина' < ностратич. **nVkV*¹³. Слова с ностратическими этимологиями, отсутствующие в других индоевропейских языках, могут считаться особыми архаизмами анатолийского.

Фонетический облик согласных древнеанатолийской основы, переданной в староассирийских сложных словах, близок к древнехеттскому и отличен от лувийского. Но в древнеанатолийском гласный корня выступает в виде *-i-* в отличие от *e* в древнехеттском, ср. лувийск. *niya-* с изменением гласного того же типа, что в древнеанатолийском.

Близость рассматриваемого типа сложных слов к хеттскому подтверждается и совпадением их первых частей с хеттскими словами: начальная основа в др.-ан. *Šu(p)pi-a-nig/ka* [Michel, Garelli 1997: 99, 39, 214–216] сходна с хет. *šuppi-* '(ритуально) чистый, священный' (прилагательное с типом образования на *-i-*, скорее всего индоевропейским, но точная этимология неясна¹⁴). К числу таких названий городов, в которых засвидетельствован древний тип сложения двух основ (без соединительной гласной), принадлежит упоминаемый в староассирийских письмах топоним *Šu(p)pi-luli-a* (переданное с изменением гласного второго слога *Šu-pu-lu-li-[a]*¹⁵), тождественный той основе, от которой посредством анатолийского суффикса принадлежности образовано позднейшее хеттское царское имя *Šu(p)pi-luli-uma* (ср. хет. *luli-* существительное 'пруд': название города по смыслу тождественно 'Чистопрудному', а царское имя – 'родом из Чистопрудного'; может иметься в виду ритуальное омовение, важное для хеттских царей). Слово *Šu(p)p-i-* и похожие на него основы в качестве первой части сложения встречаются и в некоторых других именах, приводимых ниже. Близка к хеттскому (при различии в огласовке корня, сходной скорее с лувийским [Blažek 1999]) основа первого слова в древнеанатолийском имени *Šaptam-a-niga* с предположительным значением '7 сестра (или 7 сестер = Плеяды)' [Puhvel 1991], ср. сопоставляемое с этим именем написание 'единства из семи' ^DVII. VII BI в хеттских списках богов¹⁶.

Др.-анатолийск. *Šamn-a-niga* содержит первый элемент, тождественный хет. *šama-na-* 'основа, фундамент' [Goetze 1954: 352–353; Neumann 1974: 279]; гласный слога перед соединительным гласным редуцируется (вероятна связь с безударностью, ср. ниже), как и перед словообразовательными морфемами в имени *Šu(p)pi-šamn-uman* (возможное исходное значение: 'происходящий <из дома> с ритуально чистым фундаментом'¹⁷) и в отыменном глаголе *šamn-āi-* 'создать, сотворить, заложить в основание' [CHD, 2002: 218, 225].

¹³ [Starostin 2003; Starostin, Dybo, Mudrak 2003, 2: 968; Цинциус 1982: 248]. Предполагаемая Старостиным праформа несводима с уральской.

¹⁴ Принимавшееся многими сравнение с др.-инд. *śubhra* отпадает, т.к. хеттский, в отличие от лувийского, является языком *centum*. Мне кажется возможным сравнение с лат. *sup-er* 'находящийся сверху'. Сходный корень отражается в хет. *up-* 'восходить, подниматься' без начального *s-mobile*, но такое двойное отражение встречается и в других формах в ряде языков.

¹⁵ [OIP: XXVII 23 5; AV, p. 112, n. 10; Derksen 2001: 45, 58]. Изменение гласного объясняется либо ассимиляцией предыдущему гласному, либо морфологическим чередованием суффиксов. См. ниже о формах *Šupu-n/d-*.

¹⁶ [Goetze 1953: 266; Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 850].

¹⁷ Представляется, что сложные имена с этим компонентом относились первоначально к ритуалам закладки фундамента здания, существенным для хаттско-хеттской обрядовой традиции, отраженной в двуязычных текстах, ср. [Boysan-Dietrich 1987; Ünal 1999; Collins 2006: 70, fn. 51; Süel, Soysal 2007].

Первый элемент имени *Haman-a-nika* [Michel, Garelli 1997: 220–221] может быть связан с последней частью имени *Arawa(r)-hamilena* [Donbaz 1986: 152; Dercksen 2004: 160], тождественной хет. ^{LU}*hamina-* ‘работник, управляющий’. Имя *Kimarni-nika-* показывает, что словосложения этого рода могли образовываться и от слов первоначально неиндоевропейского (в частности, хурритского) происхождения. Но в этом случае архаический соединительный гласный отсутствует и две основы существительных соплагаются, как в том типе словосложения, который сохранился в историческом хеттском языке.

Неясным остается соотношение архаического типа древнеанатолийских женских собственных имен, представляющих собой словосложение с последней (второй) основой *ne/ik/ga-* и соединительным гласным *a*, и другого типа женских имен, кончающихся на *l(i)k/ga-* с предшествовавшим соединительным гласным *e* (реже *a*). В последнем типе гласный корня редуцирован (влияние отсутствия ударения?). В анатолийских языках, как и в миграционных культурных терминах, распространенных в догреческо-восточносредиземноморском ареале, нередко изменение *-n- > -l-*, ср. хет. *laman* при лат. *nomen* [Иванов 2001: 94]. В именах, где, как в др.-анат. ^(MUNUS)*Ha-ar-šu-me-el-ga = Haršum -e-lga*, *Me-nu-ze-el-ga = Menuz-e-lga* (возможно от названия местности *Me/anuzziya* в южно-анатолийской области Кищуватна с преимущественно лувийско-хурритским населением), др.-анат. *Pi/Be-ti-a-na-al-ga = Pitian-a-lga*, др.-анат. *Ni-wa-al-ka = Niwa-al-ka* (от хет. *newa-* ‘новый’ с показательным соотношением с возможно синонимичным др.-анат. *Ni-wa-aḥ-šu-ša-ar = Niw-a-ḥšu-šar*), *Ši-im-ni-il₅-kà = Šimn-i-lka* [Hecker 1997: 169–170; D: 161–162], этой второй части словосложения предшествует носовой согласный, Ларош предполагал такое развитие. Иначе говоря, в них можно реконструировать прогрессивную диссимиляцию носовых¹⁸. Все указанные случаи употребления сложных слов с конечными элементами *a/e-lka-* могут относиться к людям, жившим не в Канише, а в других городах Малой Азии. Поэтому может быть, что группа морфов *-a/e-lka-* объясняется фонетическими особенностями другого анатолийского диалекта. С этим предположением согласуется и характер обнаруженного раскопками 2001 г. в документах из Каниша имени дочери именитого лица *Ha-ar-šu-me-el-ga = Haršum-e-lka-*, в той же выше приводившейся форме и в ее варианте *Ha-ar-šu-me-al-ka* (с редким сочетанием соединительных гласных *-e* и *-a-*), встретившегося ранее в документах из Алишара¹⁹; возможно, что она жила в Амкуве. В этом предполагаемом диалекте и некоторые слова, не имевшие носовой фонемы в первой части, могли претерпевать такую же трансформацию (в силу действия аналогии или по другим причинам). Такое не чисто фонетическое объяснение нужно найти для женских имен типа др.-анат. *Šu-pi-el-ka* [Michel, Garelli 1997: 220–221] = *Šupi-e-lka* (возможно, диалектный вариант *Šu(p)pi-a-nig/ka*, рассмотренного выше), др.-анат. *I-la-le-e/al-ga* (теофорное имя от имени божества, засвидетельствованного прежде всего в лувийской и палайской традициях; параллельная форма др.-анат. *I/E-la-li-iš-g/ka[n]* может объясняться воздействием суффикса *iš-g/ka*, проникавшего из некоторых географически смежных языков), др.-анат. *Ša/i-a/ik-r-el-ga* (соотносится с указателем происхождения из определенного священного культового места др.-анат. *Ša-ak-ri-ú-ma-an = Šakri-uman* [Michel 2001: 483], ср. хет. *šaklai* «обряд»: лат. *sacer, sacri*), др.-анат. *Ša-ša-li-ga*²⁰, *A-zu-(w)e-el-kà = Azu-e-lka* ([Michel 2001: 498–499], первый элемент тоже может иметь диалектные особенности, если *a-zu < a-ššu*). Особенно интересен параллелизм предполагаемой (не вполне ясно читаемой) формы др.-анат. *I-a-ta?-[n]i-ga* и др.-анат.

¹⁸ [L: 308–309]; см. о каждом из этих имен [L: 62, № 311; 119, № 805; 131, № 893; 148, № 1036; Stephens 1944: 10, pl. LXXII, № 236, 4].

¹⁹ [Kt 2001/k 325a, 10; Kt 2001/k 325b, 14; Albayarak 2004: 10–15, 18–19].

²⁰ [L: 50, № 221; 78, № 445–446; 154, № 1082; 160, № 1133; 288, п. 27 (подробно о божестве, от которого образовано теофорное имя); D: 173]. Это имя отличается от других отсутствием редукции *i*.

I-a-ta-al-ga [Laroche 1966: 77, № 440–441]. Такие соответствия, если бы их удалось подтвердить на более достоверном и обширном материале, могли бы подтвердить наличие на рубеже тысячелетий более пестрой картины древнеанатолийских диалектов, близко родственных хеттскому, но с ним не совпадающих. Для определения этнической принадлежности имен на *-el-g/ka* показательным кажется *Hat(t)i-e-lka* [Michel, Garelli 1997: 219], где первая основа может быть этнонимом уже в более общем значении ‘принадлежащий к хеттам’, но могла сохранять и след древнего этнонима ‘хаттский’ (например, если речь шла о женщине, происходившей из хаттского рода, но говорившей на несийском хеттском языке или на одном из близких к нему анатолийских наречий, к которому должно восходить это имя).

А II. Древнеанатолийские имена с последним компонентом *-hšu-*, следующим за соединительным гласным *-a-*, были разъяснены Гётце и Ларошем как означающие ‘рожденный, связанный рождением с, происходящий’ и образованные от корня *haš-*²¹. Глагол *haš-* ‘рождать(ся)’ (др.-хет. *hašš-ant-eš* ‘рожденные’) засвидетельствован в хеттском языке и в лувийском иероглифическом медиопассивном причастии *has-ami-* [Hawkins 2000: 444]. В хет. *hašša hanzašša* ‘внуки и правнуки’ разные ступени чередования гласных и сонанта в корне **Hons-* использованы для иконического обозначения разницы поколений в именах родства²². Соответствующее первой части хеттского выражения лувийское иероглиф. *hamsu-kalla* ‘внук’, клинопис. *hamšu-kkalla* (со вторым морфом, тождественным среднему в др.-в.-нем. *eni-kl-in* ‘внук’ > *Enkel*) содержит лувийск. *hamsu-*, иероглиф. *ha-su* ‘(для) семьи’ (= финикийск. *šrš* ‘корням’ в двуязычной надписи из Каратепе). Родственная основа на *-u-* в хеттском и в части других древних индоевропейских языков получает значение ‘царь, властитель’: хет. *haššu*, др.-инд. *asu-ra*, авест. *ahu-ra*, др.-герм. рунич. *a(n)suR*. След этого значения можно видеть в словосложении *Šal-a-hšu* (*Ša-lá-aḥ-šu-wa*) в письме из Алишара, где речь идет о людях хабиру (*a-wi-lì ḥa-rì-gì*, тип низшего социального и этнического слоя нехеттского происхождения), принадлежащих дворцу Салахсува и оказавшихся в тюрьме²³, также *Ša-lá-aḥ-šu-a* в тексте голенищевской коллекции ГММИ 1554 ([Янковская 1968: № 64, строка 16], ср. комментарии [Там же: 27, 166, 225]). В качестве главного слова (хозяина) при предыдущем прилагательном последующее *hšuwa* могло еще сохранять связь со словом *haššu-* «царь». Сочетание *Ša-lá-aḥ-šu-(w)a* сходно с древнехеттским названием города *Šalahāššuwa* (в рассказе о походах Хаттусилиса I), которое можно перевести как «Велико-царское», ср. в древнехеттской надписи царя Анитты топоним ^{URU}*Sa-la-ti-wa-ra* < **sal-a-tiw-ar-*: хет. *šall-(i)-* ‘царский, великий’ + *-a-* < **-o* + лув. *Tiwar-* < **tiw-at-* ‘Бог Солнца’ = хет. *šiwat-* ‘день’. Исходное словосочетание для топонима *Šal-a-hāššuwa* можно реконструировать на основе хет. *sall-(i)-* + *hašš-atar* ‘царский род’ (ср. к аналогичному по семантике сочетанию прилагательного *sall-(i)-* ‘царский, великий’ и соответствующих иероглифической и клинописной логограмм со словами *peda-* ‘место’, *waštai-* ‘грех’, *huššeli* ‘отхожее место’ откуда с этим прилагательным значения ‘трон’, ‘смерть царя’, ‘царская уборная’ [Иванов 2001: 211]). В староассирийских текстах встречаются и другие топонимы с тем же последним словом: *Ha-ra-aḥ-šu-a* [Kennedy, Garelli 1960: 5–8], соответствующие древнехеттскому *Har-a-hāššuwa*. Имя города *Haššuwa* известно не только в древнехеттских текстах, но и в эблаитских²⁴, где может считаться одним из самых ранних свидетельств присутствия индоевропейцев-анато-

²¹ [Götze 1954: 355; 1960: 48 и сл.; L: 299–302].

²² [Melchert 1973; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 1: 201].

²³ [OIP XX VII 5, 9–10; Dercksen 2001: 43 и примеч. 22], ср. [Michel 2001: 298; Michel, Garelli 1997: 147–148].

²⁴ [Tänberg 1994: 54, 70]. В эблаитском выражении ^DBE *Ha-šu-wa-an*^{KI} (TM 70 75. G.1560 v. VI 14 VI 3) сокращение-логограмма BE (*bēlum* ‘господин’) может обозначать если не бога грозы [Romponio, Xella 1997: 97], то божество Dagan индоевропейского (анатолийского) происхождения [Singer 2000; Иванов 2004b]: «Бог Даган города Хассува».

лийцев на Ближнем Востоке. Личное несоставное имя *Ha-šu-wa/i-* в староассирийских текстах²⁵ может восходить непосредственно к той же основе.

Хеттские производные от этого корня с суффиксом *-u-*, как и индо-иранские и германские, отличаются от лувийских и от древнеанатолийских личных имен (но не топонимов) семантическим развитием 'род, семья > *предводитель рода > царь' (типологически сходно с др.-англ. *cyning* 'король', *cyп* 'род', др.-в.-нем. *kuning* 'король'). В то же время в них (как и в родственных лувийских формах) нет редукции корневого гласного, характерного для всех личных древнеанатолийских сложных имен. Но в хеттском языке сохранилось древнее сложное слово с редукцией корня в сходном словосложении. Хет. *antuḫša-* 'человек' представляет собой архаическое словосложение, первая часть которого *antu-* встречается в древнехеттских текстах²⁶ (в том числе и в славословиях царю, известных и в хаттских вариантах) с вероятным значением 'народ, люди' (ср. сходное начало в микен. греч. *a-to-ro-qo*, др.-греч. ἄνθρωπος и вероятные ареальные соответствия [Иванов 2001: 239]; в отличие от древнеанатолийских сложений в греческом отсутствует конечное *-u*). Кажется возможным предположение о том, что в этом хеттском слове отразились такие особенности древних сложений с данным корнем, которыми объясняется структура древнеанатолийских личных сложных имен. В этом случае их надо отнести к диалекту, близко родственному хеттскому, хотя (судя по семантике основы) от него и отличающемуся.

Часть древнеанатолийских собственных имен этого типа происходит от корней, известных из хеттского языка. *Hi/ašt-a-ḫšu*²⁷ могло быть образовано от основы *-ḫaštai-* (родственно хеттскому и индоевропейскому названию 'кости') или от основы названия мавзолея-храма того света, этимология которого проблематична.

Начальный элемент словосложения *Araw-a-ḫšu* рассмотрен ниже в связи с хеттским соответствием др.-анат. *A-ra-wa*. Вторая часть сложения *-ḫšu-* (возможно, 'потомок, сын') дает вероятный перевод всего имени *Araw-a-ḫšu* как 'потомок свободного человека'. Известную ассоциацию с словосложением типа *Araw-a-ḫšu* можно предположить в рассмотренном выше словосложении *Šal-a-ḫšu*, относящемся к наивысшему социальному рангу. *Naki-a-ḫšu* [L: 125, № 849; 298] образовано от хеттского прилагательного *nakki-* 'тяжелый' (возможно переосмысленного как социальный термин). *Il-ali-a-ḫšu* [Larsen 2002: 200, 146, l. 3; 232, 175, l. 24] образовано от упоминавшегося выше древнеанатолийского имени бога и должно было первоначально означать 'рожденный под покровительством бога Илали'. *Ay-a-ḫšu*²⁸ может содержать корень *aya-*. *Luḫra-ḫšu* может быть производным от основы **luk-* «свет» > **luḫ-*, ср. развитие в палайском. Др.-анат. *Šupud-a-aḫ-šu* (один из двух хозяев дома [Kt/k: 365; D: 144; 169]), *Šu-pu-na-aḫ-šu* = *Šupun-a-aḫ-šu* (имя знатного лица, бывшего начальником группы чиновников [KTK 106; D: 138, n. 3; 159]) представляет собой сложение двух основ с помощью соединительного гласного, перед которым начальное прилагательное на *-u-*, родственное хет. *šuppi-*, выступает в форме, отличной от обычной основы. *Šupu-d-a-aḫ-šu* содержит либо написанный с пропуском носового суффикс + *-nt-*, либо последний дентальный суффикс после основообразующего элемента основы прилагательного, что напоминало бы формы, гипотетически предположенные для «евфратского» архаического индоевропейского диалекта.

Личные имена с вторым компонентом *-ḫšu* чрезвычайно продуктивны. Например, на конверте Kt v/k 152 из 11 печатей 4 (т.е. больше трети) принадлежит к этому типу: *Šu-pu-na-aḫ-šu* = *Šupun-a-aḫ-šu*, ср. вариант *Šupud-a-aḫ-šu*²⁹, *Ša-da-aḫ-šu*, *Za-ar-za-aḫ-*

²⁵ [L: 64, № 331; Michel, Garelli 1997: 217; Larsen 2002: 225, № 168, 15'; D: 157–158, 165].

²⁶ См. указание текстов [Friedrich–Kammenhuber 1975–, Bd. I.].

²⁷ [L: 69, № 374; Hecker 2004: 52; D: 157–158, 161–162].

²⁸ [Kt 87/k 39; D: 143 (имя одного из двух покупателей дома), 161].

²⁹ Вероятны варианты основ.

*šu*³⁰, *Pè-er-wa-aḥ-šu*³¹. В тексте Kt/yt 4 есть 3 таких имени: *Lá'-ḥu-[t]a-aḥ-šu* (в первой части – причастие на -nt- глагола *laḥu* 'лить'), *Šu-pi-aḥ-šu-ú* (см. выше), *Wa-at-né-aḥ-šu* [AKT 1, 79, l. 6, 9, 14], от *udne-/watne-* 'страна', см. ниже). В Kt 87/k 285 встретились 2 имени: *Ar-wa-na-aḥ-šu*, *Pè-ru-wa-aḥ-šu*. В Kt 87/k 253 есть печати *Hi-iš-ta-aḥ-šu*, *I-na-ra-aḥ-šu* (от имени бога *Inar*) и *Ša-da-aḥ-šu*. В Kt 8/k99 печать *Hi-iš-ta-aḥ-šu* рядом с именем девушки *Ma-li-aḥ-šu*. В Kt 91/k 422 в качестве основного автора выступает *A-ru-na-aḥ-šu(-ma)*, имя которого можно понимать как «Сын (бога) Моря». Значительный интерес представляет имя *Ha(p)pi-a-ḥšu* – одно из весьма немногочисленных туземных имен в перечне *ḥamuštum* (эпонимов недели) [Kryszat 2004: 178].

Часть первых компонентов имен с конечным элементом *-ḥšu* образована от аккадских слов или передается гетерографически с их помощью, как *Alum-aḥšu*³².

А IIa. В исследованиях Лароша [L: 297–306] и ряда других ученых, подготовивших сделанное им открытие, было показано, что тип образования древнеанатолийских женских имен с последней частью *-ḥšu-šar* сложился благодаря соединению архаического морфа *-ḥšu-* с еще более архаичной основой *-šar* 'женщина', которая унаследована от общеиндоевропейского. В хеттском языке слово сохраняется в древних словосложениях (по типу соответствующих общеиндоевропейскому названию 'сестры', которого нет в хеттском³³), переосмысляемых как суффиксальные производные на *-ššar-a-*, получающие функцию показателя женского пола (как в итало-кельтских числительных), тогда как в лувийском (как и в древнеиндийском) к слову, сохраняющемуся как самостоятельная лексическая единица, присоединяется суффикс женского рода *-i*: *ašr-ai* 'женщина', *nana-šri* 'брат' (< 'сестра' + 'женщина'), др.-инд. *strī* < **sr-iH*. Архаизм сочетания морфов *ḥšu-šar* подтверждается тем, что в хеттском его соответствие сохраняется только в существительном *ḥaššu-ššara* 'царица' (в качестве интересной общетипологической параллели можно указать на сохранение праиндоевропейского, праностратического и общевразийского имени «женщина» в современном английском *queen* «королева, царица») при параллельном значении 'царь' для бессуффиксальной основы на *-u-*, рассмотренной выше. Соотносящееся по происхождению с этим хеттским существительным древнеанатолийское существительное *Hašu-šar-na* [Michel 2001: 505; L: 63, № 328] характеризуется дополнительным суффиксом, что, по всей вероятности, связано с необходимостью отличия имени от названия «царицы», которое в древнеанатолийском могло частично уже совпадать с хеттским (хотя, вероятно, еще без тематизации последнего морфа).

В некоторых текстах большинство женских имен построено как четырехморфные со второй частью – *ḥšu-šar*. Так, в документе о распределении имущества между детьми после смерти отца из 3 женских имен 2 (две трети) относятся к этому типу – *Haru-a-ḥšu-šar* и *Hi/ašt-a-ḥšu-šar* [Hecker 2004: 288]. *Hi/ašt-a-ḥšu-šar*³⁴ могло быть образовано от упоминавшейся основы *-ḥaštai-* (родственно хеттскому и индоевропейскому названию «кости»). *Kunin-a-ḥšu-šar* [L: 98, № 632; 310; Michel, Garelli 1997: 212] представляет значительный интерес ввиду загадочности происхождения первого элемента, Ларошем отнесенного к «предканесийскому» субстрату [L: 297–306].

От личных имен, образованных с помощью сложения с *ḥšu-šar*, позднее посредством прибавления тематического суффикса образуются и соответствующие топонимы.

³⁰ От лувийск. *zar-* < **zart-s* < и.-е. **k'ér-* > др.-хет. *kir-* 'сердце'. Имя достоверно лувийское.

³¹ [Donbaz, Veenhof 1985: 155, № 147; D: 160]. Подробно об имени бога, являющемся первой частью сложного слова, см. ниже.

³² [KBo IX 9 R 4'; Dercksen 2001: 51, n. 67, 69]. Ср. иероглиф. лувийск. URBS-li [L: 228, № 1766].

³³ Слово позволяет с лексической и антропологической точек зрения фиксировать отделение всех индоевропейских диалектов, сохранивших это словосложение, от анатолийских, где в том же значении выступает унаследованное от ностратического **negho-* > *neka-*, см. выше.

³⁴ [L: 69, № 375] (с исправлением чтения [Stephens 1944: 11, pl. LXXI, № 225, l. 2; KTK: 95; D: 147, n. 28]).

мы. Все селение *Talwa-ḥšu- -šar-a* объявляется должником вместе с частью его жителей [Kt d/k 28a; Balkan 1979: 53; Dercksen 2004: 138–139]. Изменение этого продуктивного типа, как и другого рассмотренного выше типа личных женских имен, по-видимому связано с перестройкой всех наименований женщин, происшедшей при переходе от древнеанатолийского к древнехеттскому и, вероятно, имевшей не только языковые, но и социальные причины.

Б. Двухосновные сложные имена без соединительного гласного

Б I. Имена со вторым элементом *-aššu-*³⁵ представляют значительный интерес потому, что они включают собственно хеттскую форму этого прилагательного со значением «хороший, угодный, любезный (богу)», отличающуюся от лувийской (и палайской) с начальным *w-*, в хеттском отсутствующим. Сложные слова с прилагательными, родственными этим хеттской и лувийской основам, распространены в ряде древних индоевропейских языков и выступают в некоторых из них в качестве собственных имен [Milewski 1969]. В отличие от словосложений в других индоевропейских языках в древнеанатолийских именах в подавляющем большинстве случаев прилагательное находится в конце сложного слова (хотя в свободном употреблении в хеттском языке, как и в других индоевропейских, прилагательные предшествуют определяемому существительным):

Др.-анат. *Halki-ašu-*³⁶ состоит из основ *ḥalki-* «зерно» + *-aššu-* и могло бы считаться хеттским словом. Но в хеттских текстах такие сложные имена не встречаются.

По Ларошу др.-анат. *Haru-ašu-* образовано от хеттской основы, ср. хет. *ḥappu-* [L: 60, № 294, 320, 339].

Др.-анат. *Humad-ašu-*³⁷ содержит хет. *ḥumant-* «весь» (ср. лат. *omni-s?*).

В тех случаях, когда первое слово в словосложении – прилагательное, стоящее на втором месте *ašu-*, может иметь функции существительного (тип *bahu-vrihi* по индийской классификации): женское имя *Šupi-ašw-e* [Michel, Garelli 1997: 104–105, 217–218], в котором можно предположить наличие лувийского суффикса существ женского пола. К числу весьма архаичных подобных собственных имен, выявленных в недавнее время, может принадлежать *Wa-at-/ni-áš-[w]e* [Michel, Garelli 1997: 175–176]. Вторая половина содержит продуктивный компонент типа *-ašu-* с суффиксом с этим предполагаемым значением пола (рода?), тогда как первый элемент можно признать древним ностратическим обозначением (родного) места, продолженным в хет. *udne* «страна» при уральском соответствии, отраженном в названии самодийцев. Ларош заметил возможный след похожего морфа в *Kuwatna* ([Laroche 1966: 102, № 664–667], ср. [Там же: 371, 383]), ср. название лув. *Kizzu-watna*, изученного в монографии Гётце (см. выше о *Watne- a-ḥšu*).

Засвидетельствовано собственное имя *Aššuwa* [Laroche 1966: 47, № 192; Michel 2001: 190, № 114], образованное от тематизированной формы этой основы прилагательного. В др.-анат. *Pall-an-ašwa*³⁸ это слово завершает словосложение и обнаруживает скорее тематическую форму, не связанную с категорией рода. Можно предположить, что в именах, происходящих из диалекта, более близкого к лувийскому, форма женского пола-рода от этого прилагательного может предшествовать существительному, а не следовать за ним, как в выше приведенных примерах: в имени *Ašši-wašḥa* лувийск. *wašḥa* с неясным значением следует за предполагаемой женской формой прилагатель-

³⁵ Перечисление [L: 320].

³⁶ «Начальник лестницы», слой Ib [Donbaz 1989: 80–81; Michel, Garelli 1997: 182, 283; D: 168; Larsen 2002: 204–205, 150, l. 1; 206, case, l. 2–3 (имя должника)].

³⁷ [L: 72, № 397; Stephens 1944: 11, pl. VI, № 17, l. 6; pl. LXXII, № 236, l. 5; 320; Michel, Garelli 1997: 165, 310].

³⁸ [L: 132, № 909].

ного. Допустимо предположить существование конкурирующих форм северно- и южно-анатолийского типов, но при большом численном перевесе первых.

Б II. Комбинация прилагательного с существительным представляет собой единственный тип сложных собственных древнеанатолийских имен людей без соединительной гласной в староассирийских текстах. Больше разнообразия в именах богов. Так, в этой сфере сохраняется способ персонификации обожествляемых предметов посредством прибавления *-š/zipa* (по гипотезе Чопа, основа, родственная рус. *особа*): хет. *Dagan-zipa* (имя бога, но также 'пол' как часть дома в строительных обрядах), существительное одушевленного рода, первым компонентом которого является хет. *te-kan/dagn-* < **dhe/o/0g'he/o/0m/n* 'земля' (ср. зап.-семит. *Dagan* как имя бога³⁹). По этому типу от (скорее всего хаттского по происхождению) хет. *aška* 'порог' образовано название горы *A-aš-ka-ši-pa*, названной вместе с несколькими ассирийскими богами и малоазиатской Кубабой в качестве свидетелей в начале недавно найденного договора Каниша с Ассирией Kt.00/k6 Obv. 2⁴⁰. Но за вычетом таких единичных типов образования имен богов и топонимов словосложение в хеттском почти исчезает уже к древнему периоду.

Б III. На границе между сочетаниями морфов в пределах морфологически сложного имени и сложениями именных основ находится тип, состоящий из существительного и следующего за ним постпозитивного притяжательного местоимения. Этот тип конструкций отмирает в среднехеттский период и в древнехеттском характеризует архаические тексты. Др.-анат. *Šiwa-šm(e)i/ī* ([L: 164, № 1163]: окситонеза или конечный тон на местоимении может отражать архаические черты просодии) было именем жреца туземного бога *Hikiša*, занятого сделками с одалживанием сельскохозяйственного инвентаря⁴¹; имя фигурирует в печати на конверте текста, согласно которому *Šiwa-šm(e)i* участвовал в продаже рабыни [D: 156–157]. В надписи Анитты говорится о храме *^dSi-u-sum-mi-in* Acc.Sg.: *Siu-summi-* = *Siu-* + *sumi-* «нашего Бога»⁴². Это название есть только в нескольких архаичных хеттских текстах.

Сходным образом построено имя др.-анат. *Inar-meī*⁴³, состоящее из туземного имени бога и притяжательного постпозитивного местоимения 1-го лица ед. ч. Исчезновение этого типа сложений связано с изменением грамматической типологии, см. выше об устранении в новохеттском языке сочетаний древнехеттских релятивных существительных с постпозитивными притяжательными местоименными суффиксами типа *katti-ti* 'под тобой'.

4. ЛИЧНЫЕ ИМЕНА БЕЗ СЛОЖЕНИЯ ОСНОВ

В. Древнеанатолийские личные имена с одной основой

В I. Имена, образованные от существительных на *-a*:

К этому типу (при наличии индоевропейских корней понимаемому как тематический на *-*o*) принадлежат, в частности, следующие личные имена:

Др.-анат. *Peruwa* (Pe-gu-wa, Pè-gu-a) – часто встречающееся собственное имя⁴⁴, которое носили некоторые важные или примечательные лица из местного населения Ка-

³⁹ Ср. выше о соотношении индоевропейского имени с семитским и о городах Эбла и Хасува. Происхождение имени *Dagānya* [L: 169, № 1206; Larsen 2002: 207, 152, l. 6] остается неясным; Ларош [L: 340] предложил сравнение с хет. *taggani* «грудь», что не кажется удачным.

⁴⁰ [Günbatti 2004: 250, 254, 265 (фотография)].

⁴¹ [Kt 88/k 1092, Kt 88/k 1087, Kt 89/k 258; Donbaz 1996; D: 159, n. 8]; ср. [L: 164, № 163; 291].

⁴² Солнца? [Neu 1974].

⁴³ [Donbaz 1989: 80–81, 95; D: 168].

⁴⁴ Перечисление многих носителей имени с указанием сведений об их функциях [L: 146, № 1017; Янковская 1968: 142, № 336 19; 190, № 99, 9; Michel, Garelli 1997: 158–159, 219–220; Michel 2001: 487, № 369; Larsen 2002: 201, 146, l. 4; Donbaz 2004b: 189 («повар»)].

ниша, в частности, «воевода (покровитель/защитник) Каниша» (*Pe-ru-wa na-ši-ir Ka-ni-iš*)⁴⁵, «Начальник лестницы»⁴⁶, начальник цитадели⁴⁷, начальник бегунов [Donbaz 1993: 146–147; D: 161], жрец Бога Грозы, кузнец [Янковская 1968: 180, № 86, 11; L: 146, № 1017, 14]. Дом, содержащий относящийся к слою II архив одного из носителей этого имени, который был старшим над пастухами (GAL re-i-im), найден турецкой археологической экспедицией больше полувека назад, но пока не напечатан. Он включает ряд текстов о продаже владельцу архива земельных участков⁴⁸. Лицо с таким именем выступает в качестве одного из свидетелей (среди которых были и другие туземцы) при оформлении сделки по продаже дома местного жителя ассирийскому купцу [Kts 1 46a, 3; Sturm 2001: 488, 490] и в большом числе других текстов⁴⁹. См. также выше сложения на *-a-ḫšu* с этим именем.

Имя происходит от древнего общеиндоевропейского имени Бога Грозы **per(kʷ)-u(-n-)*. Тематизированная форма имени **Perw-o-* > *Pirwa* сохранялась в качестве одного из основных имен богов в пантеоне туземного населения Каниша, насколько о нем можно судить по позднейшим хеттским текстам. Бог Пирва (с обычным хеттским изменением гласного корня **e > i*) в хеттских текстах выступает в сочетании с конем-атрибутом этого индоевропейского бога⁵⁰; известно его каменное святилище (*ḫegur Pirwa*). В хеттском языке сохранилось несколько слов, некогда связанных с этим корнем: хетт. *peru* (им.-вин. п. ед. ч. ср. р.) ‘скала, каменный утес’, *peruna-* (одушевл. р.) ‘скала’, *perunant-* ‘скалистый, каменистый’ [CHD P 1997: 313–315]. Теофорное др.-ан. *Peru-(n)t-a-ḫšu* может быть истолковано как ‘рожденный Богом Грозы’ с активно-эргативным значением формы на *-(n)t-*, в лувийском обычной в семантически соответствующем *Tarḫ-u(n)t-*, которое из эпитета Бога-Победителя превратилось в его основное имя. См. ниже о производных личных именах от этой последней основы.

Др.-анат. *Arawa (A-ra-wa)* – имя одного из местных жителей, одалживавших деньги у Сисахсусар – туземной жены купца Ашшур-Нады⁵¹. Основа встречается также в приводившихся выше древнеанатолийских словосложениях *Arawa-ḫšu*, *Arawa(r/n)-ḫamina* и в вероятном анатолийско-хурритском сложном гибридном имени *Arawarḫi*. В имени *Araw-a-ḫamina / Araw-a-ḫamena / A-ra-wa-ar- (+ ḫa-me-na [D: 160])* в качестве второй части словосложения появляется основа, совпадающая с хетт. *ḫamina-* ‘служитель, распорядитель’. Варианты *Arawa-r- A-ra-wa-ar- (+ ḫa-me-na)/Arawa-n- (> Ar-wa-na-aḫ-šu-* [Hecker 1997: 168; D: 285]) могут быть следами древнего производного существительного гетероклитического типа на **-wer/-wen-*. Первая часть сложного имени *Arawarḫi* может соответствовать хеттскому термину, участвовавшему в рассмотренных выше сложениях с другими хеттскими словами. Интересное свидетельство начинающегося анатолийско-хурритского симбиоза можно видеть в сложном имени *Arawarḫi*; наряду с совпадающей с хеттской формой *A-ra-wa-* в тексте Kt n/k 74 встречается вариант *A-ra-wa-ar-ḫi + ḫa-me-na [D: 160]* с возможным хеттским суффиксом. В таком случае в имени *Arawarḫi* к архаической хеттской основе *Arawar* присоединя-

⁴⁵ [Kt. 89/k 3,65, 4–5; Albayrak 2004: 16, n. 15; D: 142–144, 157–159, 161, 165, 166, 168, 169, 171–173].

⁴⁶ [Garelli 1963: 61]. Значение этого звания и хеттские аналоги рассмотрены в исследовании Г. Гиоргадзе [Гиоргадзе 1966].

⁴⁷ [Kt 89/k 371; Donbaz 1993: 139–140; 2001: 92–93, примеч. 46 (там же об этом имени в тексте TC 3, 214 B)].

⁴⁸ [Kt 88/k 990, 4; Sturm 2001: 478; Dercksen 2004: 183; D: 138–139].

⁴⁹ В частности, в тексте [Hecker, Kryszat, Matouš 1998: № 478, 17] = [Dercksen 2004: 43, n. 141] (не включено в индекс собственных имен в конце книги); во фрагменте [Stephens 1944: № 269, 16]. См. перечисление различных свидетелей с этим именем [L: 146, № 1017; Янковская 1988: 139 (соображение о хурритском характере имени недоказуемо)].

⁵⁰ [Иванов 2001: 12–13; Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 614–615, 792–793; Nagy 1990: 181–201].

⁵¹ [Larsen 2002: 200, № 145, l. 5; L: 37, № 116–118; 298, 330, 337].

ется хурритский суффикс *hi*. Вместе с тем можно было бы думать, что за приведенной анатолийской основой следует хурр. *urhi* 'настоящий, верный' как вторая часть словосложения. Подобное соединение анатолийских элементов с хурритскими могло бы объяснить и хет. *arawa-nni-* (в хеттских законах и других текстах), если *-nni-* в этой форме – хурритский постпозитивный артикль (возможны и другие объяснения).

Имя *Arawa* образовано от основы, родственной др.-хет. *arawa* 'свободный от налогов и от исполнения повинностей' (в частности, в законах и некоторых обрядовых текстах), ср. также производные отыменные глаголы с продуктивными суффиксами *araw-ahh* 'освобождать' и *araw-eš-* 'стать свободным, освободиться'⁵². В северно-анатолийском слово представлено также в лидийск. *rava* 'отпустить на свободу(?)'. В южно-анатолийском ликийском точное соответствие древнехеттскому юридическому значению слова обнаруживается благодаря ликийско-греческо-арамейской трилингве, где ликийск. *arawā* переводится как «освобождение от налогов, свобода» (11–12), ликийск. *aru-s* < **arówos* имеет значение «свободные» [Melchert 2004: 4–5; Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 477]. Сходное значение имеют такие балтийские слова, как лит. *arvas*, ср. русск. *равный, ровня*.

Др.-анат. *Huda/urla*⁵³, хет. *Hutarla/i* – слово лувийского происхождения (в хеттских текстах выступает как имя жреца, возможно – лувийца) – от лув. *hutarla-* «раб, служитель». Написание *rl* в хеттских, хурритских и хаттских текстах передает плавную фонему **L*, в хеттском отсутствовавшую. Др.-анат. вариант имени *Hudurla* < **H^wduLa-* для времени после падения ларингальных допускает сравнение с микен. *doero*, др.-греческ. δοῦλος «раб» [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 479, 957], в котором давно подозревали древнемалоазиатское заимствование.

Др.-анат. *Zupa* (встречается в 110 текстах и выступает в качестве эпонима⁵⁴), др.-хет. *Zuppa*⁵⁵ по Ларошу сопоставимо с хет. *zuppa-*, которое он толкует как название серебряного сосуда для жидкостей⁵⁶; Боссерт видел в хет. *zuppala-* имя деятеля от предполагаемого хет. **zuppa-* «хлеб»⁵⁷. Если это последнее тождественно основе личных имен др.-анат. *Zuwa*, хет. *Zuwa* [L: 214] и хет. *zuwa-* «хлеб» (= шумерограмме NINDA [Hoffner 1974: 213]), ср. *zuwala-* «булочник, пекарь» [L: 338], то слово по фонетическим причинам скорее нужно считать хаттским (и соотносимым с общекавказским названием хлеба [Nikolaev, Starostin 1994: 349–350]), хотя сближение с корнем и.-е. **seuH-* «отведать жидкости» не вполне исключено.

Др.-анат. и хет. *Pal(l)-a-* [L: 133, № 906], *Pal(l)u-(i)-*⁵⁸, хет. *Pal(l)u-nza* [L: 135, № 921], имя, которое кажется возможным сопоставить с многочисленными именами с той же основой *Pal(l)-* и другими суффиксами или вторыми частями сложных имен в староассирийских и позднейших хеттских текстах: к суффиксальным формам предположительно можно отнести др.-анат. *Pa-li-a*, имя царя лувийской области центральной Ана-

⁵² В хеттском имеется в виду свобода от повинностей у свободного гражданина. Обряд отпущения на свободу раба (известный в нескольких древнеближневосточных традициях) называется хет. *para tarnumar* [Neu 1996].

⁵³ [L: 73, № 411; Dercksen 2001: 48, письмо из Алишара, № 27].

⁵⁴ Ср. [Larsen 2002: 208, № 153, l. 9; Kryszat 2004: 32, 84, 87, 197 (ср. с. 91, 131 о Zuppa-lali)].

⁵⁵ [Michel, Garelli 1997: 102 (о покупасом в рабство человеке с этим именем пояснено, что он – «сын Каниша»), 233–234; Sturm 2001: 490 (№ 30 – эпоним *amuštum*); 496–497, n. 121–126, 498; Dercksen 2001: 49 (долговая расписка № 16 из Алишара); Larsen 2002: 89, 63, l. 2; 92, № 65, l. 2; 107, № 72, l. 3, 21; 142, № 100, l. 2; 201, № 146, l. 15; L: 213].

⁵⁶ [L: 340; Friedrich–Kammenhuber 1975: 263; Sturm 2001: 496, n. 121 (с литературой вопроса)].

⁵⁷ [Friedrich–Kammenhuber 1975; 1962: 28]. Дальнейшие сравнения с хет. *šuppa* «ритуально чистое мясо, табу» представляются фонетически мало вероятными (чередования типа *š-/z-* редки и не подчиняются строгим правилам).

⁵⁸ [OIP XXVI I 7 + 46 b, R 14; Dercksen 2001: 47, n. 43–44]. В собрании Лароша, как заметил Дерксен, нет этой формы с одним *-l-*, но есть похожая форма с двумя *-ll-* [L: 134, № 918], без конечного *-i*.

толии Кищуватна лув.-хур. *Pal(l)-iya*⁵⁹, хет. *Pal(l)-alla-* ([L: 133, № 907], о суффиксе см. ниже), хет. и лув. *Pall-ann-a*⁶⁰, *Pal(l)-anza-* [L: 134, № 910], *Pal(l)-elli-* [L: 134, № 916]. К словосложениям с этой основой в качестве первого элемента могут относиться др.-анат. *Pall-an-ašwa* (см. выше об этом типе сложений), имя жреца *Palla-tati-* (второй элемент в лувийском, но не в других анатолийских языках, означает «отец»). Имя *Palu-luwa*, представленное в иероглифическом лувийском *Pa-lu-lu-wa*⁶¹ на печати, с возможным фонетическим вариантом иер. лув. *Pa-la-tu-wa*⁶² (ср. также отдаленно с ними сходные формы возможно с сокращенным вторым элементом: хет. *Pal(l)u-llu-*⁶³, *Pal(l)uw-a*⁶⁴, *Palluw-ar-a*⁶⁵), можно пробовать объяснить как сложение двух древних основ. Определение второй из них затруднено отсутствием конечного *-i* в большинстве приведенных имен кроме *Pal(l)u-(i)*. Альтернативное объяснение предполагает присоединение суффиксов к основе *Palu/a-*. В основе *Pal(l)-* можно было бы видеть древнее индоевропейское название «пространства, территории» (слав. **pole* > рус. *поле*, ср. нем. *Fel-d*, англ. *fiel-d*⁶⁶), от которого образовано как анатолийское название палайцев, их языка и страны (*Pala*), так и славянские этнонимы – названия *полян* и *поляков*.

В II. Имена с суффиксом *-nu-*. К индоевропейской древности восходит др.-анат. *Tarḫunu* (для писем, написанных местным писцом для жены купца Ашшур-Нады с туземным именем Сисхсусар, характерно удвоенное написание не только первого гласного имени, но и последнего: *Ta-ar-ḫu-nu*, *Ta-ar-ḫu-nu-ú*⁶⁷; пропуск гласного второго слога в *Ta-ar-aḫ-nu* может отражать позднейшую диссимилятивную редукцию безударного [u] перед последним долгим или ударным слогом с тем же гласным; ср. также ошибочное восстановление того же гласного в первом слоге в староассирийском варианте *Tū-ar-ḫu-nu*). Имя содержит суффикс *-nu*, выделенный Ларошем в теофорных и других личных именах, таких, как др.-анат. *Zalpa-nu-* (вероятно, от названия города *Zalpa* [L: 208, 332], древняя мифологическая роль которого раскрыта в легенде о близнецах-детях царицы Каниша). Основа имени *Tarḫun-* связана с эпитетом Бога Грозы *Tarḫunt*, которое стало основным лувийским именем Бога Грозы и после среднехеттского периода вошло в качестве одного из основных имен богов в хеттский пантеон, что видно из посвящения ему при Муватааллисе новой столицы Тархунтассас⁶⁸. Лежащее в основе имени Бога Грозы причастие наст. вр. *tarḫunt-* от глагола *tarḫ-u-* «побеждать, преодолевать» (др.-хет. *ta-ru-uḫ-zi* «он побеждает» [Kassian 2002: 126]) родственно хеттскому отглагольному существительному *tarḫuwar* и вместе с ним восходит к построенному по гетероклитическому типу существительному **tarḫ-u/w(a)r-/nt-* < и.-е. **t(e/o)rH-u/w-(e/o)r/n-t* > авестийск. *vispa.tautvair-i-* «всепобеждающая» (в Yt. 13, 142 эта дважды повторенная именная форма женского рода разъясняется посредством *figura etymologica* *yō vīspe taurvayān* «которая все <враждебные нападения>

⁵⁹ [L: 134, № 915]. Это имя может оказаться хурритским, чем можно бы было объяснить и чередование в нем *a/i* в корне, ср. [Otten, JCS, 5, p. 129]. В это чередование могло входить и *u*, ср. др.-анат. *Pu-lá-na*, *Pu-lí-a*, *Pu-lí-na* [L: 149, № 1043, 1045, 1047].

⁶⁰ [L: 133, № 908]. Имя писца – лувийское иероглифическое.

⁶¹ [L: 135, № 920; 246] (с объяснением тематизацией *Pal(l)u*). Ср. формы имен типа *A-lu-lu-wa* [Larsen 2002: 232, 175], имя анатолийского слуги, заключающего контракт со староассирийским торговцем), *Aluwa* [Michel, Garelli 1997: 167, 297].

⁶² [L: 134, № 134]. Изменение начального **-l-* > *-t-*, ср. хет. *laman* «имя»; иер. лув. *adama-* и т.п.?

⁶³ [L: 134; KUB XXX I 44 I 16 (Or 25, p. 224)].

⁶⁴ [L: 135, № 922; 246]. Имя на печати из Алалаха является княжеским.

⁶⁵ [L: 135, № 923]. Если это имя писца – лувийское, то в нем вероятен ротацизм в суффиксе *-at-* (см. об этом суффиксе ниже) > *-ar-*.

⁶⁶ При этом отсутствие следов ларингального в конце основы в анатолийском заставляет отвергнуть ставшее традиционным сближение этой группы слов с лат. *planus* < и.-е. **pe/oH-*.

⁶⁷ [AKT: 15; Michel 2001: № 357, p. 477, 544; Larsen 2002: 108–109, 200–201, 243].

⁶⁸ [Singer 1996]; ср. [Иванов 2001: 13, 228, 232].

будет преодолевать» [Bartholomae 1979: 1464]. Др.-анат. *Tarḥun* – по типу основы сопоставимо с женским именем др.-анат. *Tarḥuan* (*Tár-ḥu-a-an*) с другой огласовкой корня, которая совпадает с архаической формой др.-хет. инфинитива на *-wan tarḥ-uwan* (встречается в древнем незачинательном значении только в этом единственном случае, [Иванов 2001: 154]), тождественной этимологически др.-инд. вед. *turvan* «победа», др.-инд. инфинитив *turvan-e*. Присоединяемый к этой древней отглагольной основе суффикс *-nu-* характерен для имен типа *Piḥa-nu*⁶⁹ (от лув. *piḥa-ššaššiš* «сияющий» как имя Бога Грозы⁷⁰) и может быть древнелувийским. От основы *Tarḥu* образовано также и др.-анат. *Tarḥu-(a)la*⁷¹ (см. ниже об этом суффиксе) и значительное число позднейших анатолийских имен⁷².

В III. Имена с суффиксом происхождения (в том числе этнонимов и названий языков) *-uman*, находящим наиболее близкое соответствие в хеттском и имеющим индоевропейские параллели (отвечает лув. *-uwan*, см. ниже). Хеттский язык с древних пор (со времени до переноса столицы в Хаттусас в самом начале древнехеттского периода) назывался производным словом с этим суффиксом: *neš-umn-ili* '(говорить) на языке несийского происхождения', *kaneš-umn-ili* '(говорить) на языке канесийского (= из Каниша) происхождения' (вариант без суффикса *ne/ašili* 'по-несийски'). Др.-анат. *Ušu-na/uman/Wašin-uman*⁷³ – «происходящий из Уссу/Вассу», слово от исходного имени города ^{URU}*Uššu-na* [L: 257] может быть связано с лув., пал. *waššu-* (форма, отличавшаяся от хеттской, см. выше), но это объяснение проблематично. Суффикс присоединялся ко многим существительным, ср. др.-анат. *Kaš-uman*⁷⁴ и ряд подобных форм (перечисление: [Goetze 1954: 351–352; L: 255–263; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 859–860]).

В IV. Имена с суффиксом *-uwan* (соответствует лувийскому, но продуктивен и в хеттском). Др.-анат. *Šupi-wa-* [Michel, Garelli 1997: 165] содержит суффикс *-*wen(t)- > wa(n)*, присоединенный к описанной выше основе.

Др.-анат. *Šaluwanta*⁷⁵ может содержать суффикс *-uwant*, присоединяемый к именной основе *šala-* < **sol-o-*.

Оба варианта суффикса представлены в др.-ан. *Ma-da-w/ma-da* [L: 117, № 788; Kennedy, Garelli 1960: 10–11], сопоставимым с известным именем Маддуватаса из лувийской области Арцава [Иванов 2001: 44–45]. Имя родственно др.-инд. *madhu-mant-* (с изменением **-u-w > -u-m-* в позиции на стыке морфов).

В V. Имена с суффиксом *-ala-*. Суффикс *-ala-*, объединяющий анатолийские языки с близкими к ним индоевропейскими диалектами⁷⁶, представлен в нескольких других анатолийских именах:

Кажется возможным, что от той же анатолийской основы, что и *Wašin-uman-*, образовано *Uši/a/u-n-ala-(m)* – имя должностного лица, занимавшего высокий административный пост (возможно в Бурусхане) и участвовавшего в качестве главного продавца в операциях большого масштаба по продаже шерсти, которым посвящена целая серия 13 еще не напечатанных документов и недавно ставшая известной булла [Dercksen 2004: 189–190, n. 513].

⁶⁹ Лувийское имя писца [L: 139, № 967].

⁷⁰ [Singer 1996]; ср. [Иванов 2001: 232].

⁷¹ [D: 158; L: 175, № 1255].

⁷² [L: 175, 289, 295] (анализ анатолийских имен с этой основой).

⁷³ [Stephens 1944: 16, pl. LXX, 22, 7; L: 200, № 1455; Dercksen 2001: 48, письмо из Алишара, № 27; D: 165; Donbaz 2001: 93, n. 48 (Kt n/k 1888: 17); Römer 2001: 395–397 (договор о продаже дома)].

⁷⁴ Имя одного из свидетелей-анатолийцев в документе о залоге и на печати к нему [Larsen 2002: 148, l. 18; 203, l. 4].

⁷⁵ Имя одного из покупателей рабыни по тексту на конверте [Kienast 1984: 110; D: 156–157; L: 155, № 1089; 259, n. 25].

⁷⁶ [Rosenkranz 1978: 134–135] («понтйская» группа диалектов, характеризующаяся, в частности, этим суффиксом).

Др.-анат. *Šiwa-n-ala-* (= *Ší-wa-na-lá*)⁷⁷ образовано от основы хет. *šiu-n-ala* «божественный», *šiw-an* (архаическая форма род. пад. ед./мн. ч. одуш. р., в древнехеттском замененная новообразованием *šiu-n-an* [Иванов 2001: 135], с тем же окончанием от основы *šiu-n-a/i-*, вытеснившей непроеизводную основу *šiu-*) посредством суффикса *-al-*. Ср. выше об имени *Šiwa-šme* и лувийской форме слова, отличной от хеттской.

Ha(p)pu-ala- – имя (главного) царского пастуха, располагавшего значительным числом мешков зерна и мер серебра⁷⁸. Лицо с таким именем в городе Амкува под властью царя Анитты носило титул (скорее всего хаттский? ср. хаттский праздник *purulliya*) «великого *burull-um*» и имело в подчинении 6 человек, которых по договоренности с ними освободило от повинностей [OIP: 27, 49; D: 145].

Ham-ala – имя владельца большого дома, полученного в наследство по распоряжению царя Каниша⁷⁹.

В VI. Имена с суффиксом *-at/-et*.

A-ši-et – имя *alahhinum* и ряда других лиц [D: 157–159, 164], тождественное позднему хет. *aši-yat*.

Др.-анат. *Na/i-ki-li-a/i-(e)-a/e/it* [L: 126, № 850; D: 159, 169, 172, ср. хет. ^m*Nakilit*] встречается во многих староассирийских текстах. Слово служит именем вестника собрания купцов Каниша⁸⁰ и жреца туземной канесийской богини, называемой по-ассирийски *Ilāt-ālim* «Богиня Города» [Dercksen 2001: 48]. Если принять вслед за Ларошем, что в конце имени, совпадающего с гидронимом, содержится хеттский суффикс *-a/it* [L: 278, 309], то кажется возможным предположить образование с абстрактным значением. Слово может восприниматься как производное от основы хет. *nakki-* «тяжелый», ср. выше о словосложении *Naki-a-ḫšu-*. Но скорее всего это – народная этимология; вместе с тем едва ли совсем случайно почти полное совпадение с именем бога *Nikkil-i-*, выступающим в роли господина заклинаний и покровителя обрядов. В недавно напечатанном тексте староассирийских заклинаний из Каниша говорится: *ši-ip-tu[m] lá i-a-tum ší-pá-at Ni-ki-li[i-il₅] be-el ší-pá-tim ù be-el tí-i-i[m]* «это – не мое заклинание. Это – заклинание Никкиля, господина заклинаний и покровителя обрядов»⁸¹. Обращает на себя внимание сходство основы имени жреца главной туземной богини Каниша с наименованием популярной в Малой Азии и Сирии богини Луны хурритского (первоначально раннешумерского) происхождения (входящим в несколько позднейших словосложений – имен, в частности, цариц) – *Nikkal*⁸² (< шумер. NIN.GAL). Неустойчивость гласных основы может быть связана с ее заимствованным характером. Если предлагаемое сопоставление правильно, то Никкал и была «Богиней Города». Это может помочь определить границы и время хурритского влияния в Канише. В подобных случаях языковое взаимодействие дает гибридные результаты. Собственно хеттский суффикс присоединялся к широко известному имени богини хурритского круга. Для объяснения гидронима скорее всего нужно привлечь мифологические представления.

В VII. Имена с суффиксом *-ili*.

Др.-анат. *Hattuš-ili* – имя, встречающееся в 3 случаях в известных науке староассирийских текстах⁸³. Оно совпадает с именем древнехеттского царя, оставившего двуязычный хетто-аккадский документ – т. наз. «Завещание Хаттусилиса», и позднейших

⁷⁷ [OIP XX VII 7 + 46 b, 10; Dercksen 2001: 47, n. 44; L: № 1162, p. 137; Bilgiç 1945–1951: 4, n. 11].

⁷⁸ [Dercksen 2004: 183; D: 138, n. 4, p. 157–158, 166; Michel 2001: 165; Larsen 2002: 232, 175, l. 24; L: 60, № 291]; Ларош обращал внимание на различие в передаче срединного взрывного согласного в староассирийских и последующих хеттских формах, тогда как более поздние публикации ориентированы на написание хеттского типа, что едва ли оправдано.

⁷⁹ [Kt 2001/k 325a; Kt 2001/k 325b; Albayarak 2004: 10–15, 18–19].

⁸⁰ [Michel, Garelli 1997: 114, l. 5, note; 147, 73, l. 8, 22 (возможно о другом человеке)].

⁸¹ [Kt 90/k, 178, l. 20–22; Michel 2004: 398, 400, 410; 1997: l. 18].

⁸² [L: 349; Laroche 1980: 182–183; Haas 1982: 37; Krecher 1969: 157 ff.].

⁸³ Письмо № 14 из Алишара [Dercksen 2001: 44 и примеч. 28; Donbaz 4 ICH 1999: 14].

царей, принявших его имя⁸⁴. Суффикс, обозначающий принадлежность, присущ всем анатолийским языкам и известен во многих именах хеттских и лидийских царей (по отношению к лидийскому значение суффикса было известно Геродоту, передававшему смысл лидийского Μυρσίλος древнегреческим του Μύρσου «сын Мурса»). Суффикс может быть сопоставлен с другими индоевропейскими и анатолийскими именными формами на *-i-*, хотя он вместе с тем принадлежит и к более широкому кругу языков древнепереднеазиатского языкового союза, в том числе и хаттскому языку. Согласно Ларошу, в *Hattuš-il* следует видеть хаттскую форму с обычным для хаттского языка суффиксом принадлежности и этнических обозначений *-il*⁸⁵. Основа *Hattuš* заимствована из хаттского языка: в древнеанатолийском это – название одного из древних городов-княжеств Анатолии и позднее в хеттском она является названием столицы хеттского царства. Основа *hatt-i-* выступает в хеттских текстах как название хаттского языка (*hattili* «по-хаттски») и как логографическое обозначение страны хеттов (URU HATTI). Значительный интерес представляет то, что ко времени составления староассирийских текстов имя выступает уже не в исходной хаттской форме *Hattuš-il*, а в преобразованной на хеттский лад *Hattuš-ili*. Из подобных фактов следует, что хаттско-хеттский симбиоз, приведший к созданию целого ряда гибридных хеттско-хаттских форм, следует отнести к более раннему периоду в III тыс. до н.э., предшествующему эпохе письменных староассирийских текстов. В свою очередь этот вывод важен для подтверждения раннего присутствия хеттов-индоевропейцев в Канише. Для современной лингвистики важно как установление индоевропейского происхождения архаичных слов и их частей, так и выявление следов раннего двуязычия (и многоязычия), приведшего к образованию гибридных слов. Поэтому этот тип имен также рассматривается наряду с собственно индоевропейским.

5. АНАТОЛИЙСКИЕ СЛОВАРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СТАРОАССИРИЙСКОМ

Для выяснения общей картины двуязычия, раскрывающегося при исследовании приведенных выше имен и других, им подобных, существенны вероятные заимствования из индоевропейских анатолийских языков в староассирийский диалект купцов Каниша и остальных торговых колоний. Из многочисленных специальных древнеанатолийских обозначений видов текстильных изделий, проанализированных Бильгичем и Вееenhoфом, некоторые могут восходить к той индоевропейской терминологии, которая была изучена преимущественно на греческом и тохарском материале в серии исследований Э. Барбер. Кроме ранее уже отмечавшихся (таких, как ст.-ассир. *išhiullum* «финансовый договор» < хет. *išhi-ul* и др.⁸⁶), выявляются и другие древнеанатолийские

⁸⁴ [L: 360–361]. По выдвинутой Гютербоком гипотезе двойных имен поздних царей Новохеттской хурритской династии можно было бы думать, что наряду с этим хурритским именем у Хаттусилиса III могло быть и данное ему при рождении хурритское имя.

⁸⁵ [L: 250], подробно о функции суффикса в хаттском [L: 247–250]; о соотношении с хеттскими формами на *-ili* [L: 250–252, 362]. К бесспорно хаттским именам на *-el* в староассирийских текстах принадлежит *Hašimel* [Michel, Garelli 1997: 189–190].

⁸⁶ [Starke 1993]: миграционный термин-название «переводчика», аккадск. *talurgumannum*, рус. *драгоман*; соответствующие семитские – арамейская и другие – формы по Штарке в конце концов из лув. *tarkummiya-* «переводить»; ср. об *išhiullum* [Иванов 1981: 166; 2001: 15]. Название мешка для масла *kursinnum* [Michel, Garelli 1997: 274] могло быть заимствовано из анатолийского (хет. *kurša-*). К числу производных с суффиксом *-nu-* (см. о нем в личных именах выше) принадлежит староассирийск. *hulugannum* в значении посылаемого символа, скорее всего «повозки», ср. о сходном символическом употреблении в ритуалах древнехеттского *huluganni* «повозка, колесница» и его индоевропейских (тохарских) и северо-кавказских параллелях [Ivanov 2002] (Дерксен предлагает другую фонетически спорную анатолийскую этимологию для этого слова, что едва ли оправдано). Среди ряда других перечисляемых предметов, анатолийские названия которых содержат этот суффикс, в староассирийском тексте инвентаря BIN 6 дважды упомянута *hiššani-* «ось (повозки)», соответствующая вед. *iṣā* «ось (колесницы, Вселенной в VII-й мандале "РигВеды")», родственные слова в греческом, германском, балто-славянском удостоверяют общиндоевропейский характер слова, где долгота сонанта могла быть связана с метатезой начального ларингального, переместившегося в позицию после сонанта.

термины, староассирийские соответствия которым важны для реконструкции характера древнеанатолийского общества.

Новейшие успехи в археологическом исследовании архивов Каниша / Кюль-тепе сделали возможным найти новые существенные термины, введенные в староассирийский диалект этих текстов из анатолийских языков, носители которых преимущественно пользовались этими словами в своих староассирийских клинописных текстах. Как недано показал Дерксен⁸⁷ на основе вновь исследованных текстов этого рода, в которых упоминаются главным образом люди с древнеанатолийскими именами рассматриваемых структур, ст.-ассир. *tuzinnum* обозначало «войско» и тип поля (сельскохозяйственного участка), принадлежавшего дому, на который накладывалась повинность скорее всего военного характера, ср. выражение «*tuzinnum* лука», вероятно, относившееся к необходимости предоставить лучников из числа людей, подведомственных хозяевам дома и поля этого рода. В договорах о продаже имущества термин относится к тем, кто отвечал за несение повинностей получателями этих угодий. Социальное и религиозное значение этого установления и соответствующего обряда видно из текста: *i-ni-mi ru-ba-um a-na tū-zi-nim e-ša-dim a-na e-ti-šu-ni i-ša-qú-lu* [Kt 88/k 90 10–12] «когда царь (Каниша) участвует в сборе урожая, они заплатят, как только об этом будет объявлено». Выражение *bēlū tuzinnum* может относиться к «господам *tuzinnum*», т.е. к лицам, обеспечивающим исполнение повинностей теми, кому переданы во владение поля.

Соотношение термина *tuzinnum* и хет. *tuzzi* 'войско, военный лагерь' может быть понято в свете представлений о феодальной структуре, которая могла лежать в основе хеттской (а также более древней анатолийской и индоевропейской или индо-хеттской до отделения анатолийцев от индоевропейской общности) военной организации (что было достаточно давно предположено на основе микенских текстов Пальмером, ср. [Иванов 1957]). Можно предположить, что в родственных западно-индоевропейских терминах (оскск. *touto*, умбрск. *tutas* 'civitas', валлийск. *tud* 'народ, страна', др.-ирл. *tuath* 'племя, народ', гот. *iūda* 'народ', др.-пруск. *tauto* 'страна', ст.-лит. *tautà*) представление о сельскохозяйственных угодиях, обложенных обязательной военной повинностью, могло быть обобщено на понятие «всей» (лат. *totus*) общности в ее противоположности соседям, недругам и врагам (последние значения обнаруживаются в родственных славянских названиях «чужого – другого народа», **čjužŭ*, *Čjudŭ* – «финских тевтонов – Чудь» по определению известной работы Бубриха; ср. амбивалентность синонимических терминов в индо-иранском, изученных Тиме). Древние анатолийцы, жившие в Канише и в других центрах Малой Азии, сохранили более архаическое значение слова, которое в хеттском языке было главным обозначением «войска» (отличным от лув. *kuwalan-* [Иванов 2004], ср. корень **k^wel-*); другие группы индоевропейских диалектов образовали название «войска» от отчасти фонетически сходной с последним основы **kor-* (ср. принципиальную возможность возведения др.-перс. *kar-a* к **k^wel-*).

Для обнаружения предшествовавшей системы служб и обязательств, характеризовавшей более ранний период развития древнеанатолийского общества, представляет интерес выяснение соотношения староассирийских терминов древнеанатолийского происхождения *tuzinnum* и *ubadinnum*. Оба слова заимствованы из ранних индоевропейских диалектов анатолийской зоны. Но судя по фонетическому изменению (палатализации **-t-* > *-z-* перед *-i*) первое слово первоначально принадлежало хеттскому (северно-анатолийскому) языку. Второе можно охарактеризовать как лувийское (южно-анатолийское). Ст.-ассир. *ubadinnum* в документах из Каниша, составленных на староассирийском диалекте местными жителями, обозначает земельный надел, данный царем Каниша одному из высших сановников («советников» в широком этнологическом смысле [Nocart 1936]). Слово заимствовано из лувийск. *ub-ati-t* «земельный

⁸⁷ [D: 142, 148–150; Dercksen 2005; 2007].

надел»⁸⁸. В лувийском существительное образовано от лув. *upa-* «дать надел, даровать» = лик. *ube-* «посвятить, пожертвовать», ср. лик. *uba* «надел, жертва», слово было в разных диалектах южно-анатолийского, ср. карийск. *ybt* = лув. *upati-t-* «земельный надел, имение» (из 'дарение' [Adiego 2007: 347, 492]). В хеттском соответствующее слово могло быть заимствовано из южно-анатолийского. Вопреки Ларошу [L 1966], др.-анат. *Upati-a-hšu* – (первоначально по смыслу «владеющий по рождению наделом, потомственный дворянин») должно было быть образовано на основе не хеттского, а исходного лувийского существительного. На лувийское происхождение близкого по значению мужского имени указывает вторая часть **U-ba-LU-iš = Uba- žiti-* («человек надела»). Слово восходит к общеиндоевропейскому, как показывает сравнение с тох. В *were* 'загон, выгон' (= *go-cara* в буддийском гибридном санскрите; предположительное сравнение тохарского слова с и.-е. **webh-*, принимаемое в словаре Адамса, остается в силе, но с учетом метафорических значений **we-bh-/dh* 'богатство, успех'; др.-англ. *éad*).

Эти ранние заимствования из анатолийских языков в диалект староассирийских текстов помогают восстановить древнюю систему феодальных услуг, унаследованную от общеиндоевропейского (индо-хеттского) времени. Позднейшие перемены в хеттском обществе вызвали существенные изменения в словаре, обогатившемся такими новыми словами, как хет. *šahḫan* [CHD Š 2002: 2–7] и *luzzi* [CHD: 3 vol. Fasc.1 1, p. 90–91], обозначавшие общие работы, от которых освобождаются владельцы наследственных имений (на инновацию древнехеттского времени указывает характер тех социальных категорий, на которые распространяется освобождение от повинностей). Сохранились лишь следы древнего уклада.

Кажется вероятным, что элементы разросшейся системы староассирийских должностей «советников» царя, включавшей такие вероятные индоевропейские архаизмы, как «начальник кавалерии = господин коней» (*rabi sisē* [Michel 2001: 264–265]), могли передаваться заимствованными древнеанатолийскими терминами. Но на письме они обозначены гетерографически.

Кроме собственно заимствований анатолийское влияние сказалось и в некоторых кальках типа названий «дурного языка» = злоречья и «дурного глаза».

Значительный интерес представляют слова, в которых можно предположить взаимодействие индоевропейских языковых элементов с северокавказскими – хурритскими и хаттскими и с другими языками этого ареала.

Из встретившихся в староассирийских текстах терминов иноязычного происхождения значительный интерес представляет употребленное один только раз существительное *mī-šu-ru-um*, предположительно означающее «часть (= украшение, золото) священного солнечного диска» в сообщении о его похищении⁸⁹; в этом или близком значении основа **mVs-* представлена как в южно-анатолийском, откуда лувийско-ликийское имя «бога» (лув. *maššana-* «бог» с соответствиями в милийском-ликийском и карийском⁹⁰), так и в западно-кавказском названии «солнца» с вероятным метатизированным соответствием в хурритском имени Бога Солнца⁹¹. Сообщение относится к городу Уршу на пути из Анатолии в Ассирию, слово могло быть заимствовано из одного из местных диалектов этой области, косвенно сказавшихся в текстах, включенных в текст о битве хеттов за Уршу.

К числу тех сторон хорошо разработанной семиотической организации делового устройства староассирийских колоний, которые по всей видимости продолжают в последующий хеттский период, принадлежат особого рода письменные тексты ком-

⁸⁸ [Melchert 1993: 243; Starke 1990: 195 ff.].

⁸⁹ Перевод [Michel 2001: 104–105]. Значение слова, предположенное в первой публикации транслитерированного текста [Larsen 1976: 261], не представляется обоснованным.

⁹⁰ [Иванов 2001: 212, 235, примеч. 3; Melchert 2004: 36, 98, 120].

⁹¹ [Nikolaev, Starostin 1994: 822].

мерческого характера (в том числе долговые обязательства, относящиеся к деньгам или меди), которые связаны с туземным населением и с местной княжеской анатолийской администрацией. Эти документы по-староассирийски назывались *išurtum*⁹², что согласно словарным спискам переводится шумерограммой GIŠ.HUR [Von Soden 1985: 391]. В позднейшей хеттской и лувийской традиции последнее шумерское логографическое обозначение относится к лувийским иероглифическим надписям на дереве, которые могли сгореть (о чем упоминается и в одном из хеттских текстов) и до нас не дошли. Существовали ли такие тексты в староассирийскую эпоху, пока остается неясным. Некоторые символы на печатах из Каниша напоминают знаки лувийского иероглифического письма, но это можно истолковать и как предписменность: в части символов на печатах⁹³ можно было бы видеть прообраз последующих лувийских иероглифических знаков. В противном случае не исключено, что туземное население пользовалось преимущественно этой системой письма, следы которой могут быть открыты, если от домов староассирийских торговцев археологи перейдут к местному поселению, до сих пор почти не раскопанному. Тогда может проясниться и характер туземного варианта написаний рассмотренных выше имен, в развернутой передаче гласных (по типу *Ta-ar-ḫu-ni*, *Ta-ar-ḫu-ni-ú*, см. выше), отличного от собственно староассирийской клинописи. От этих будущих находок и от публикаций уже найденных клинописных текстов зависит наше дальнейшее продвижение в этой области, служащей открытию новых индоевропейских диалектов анатолийской языковой зоны.

Сравнение языков и других систем знаков у разных групп населения Малой Азии начала II тыс. до н.э. позволяет наметить следующие основные различия, см. табл. 2.

Таблица 2

Различия двух групп населения

	Туземное население	Ассирийские торговцы
язык	Анатолийские; хурритский; хаттский	Староассирийский
письменность	GIŠ.HUR = <i>išurtum</i>	клинопись
графика	Мотивы лувийского иероглифического письма	Печати месопотамского типа
Литература	Тексты «певцов Каниша»	Заклинания; пародия на историю Саргона ⁹⁴
религия	Пантеон Каниша и Кубаба	Месопотамские боги
Система мер и счета	Десятиричная (типа лувийской иероглифической) ⁹⁵	Шестиричная месопотамская
Предметы торговли	Текстиль, бронза, железо	Олово, золото, серебро
Финансовая организация	Семейные группы	Объединения купцов города-государства

⁹² [Veenhof 1995; Michel, Garelli 1997: 252; Michel 2001: 139–140].

⁹³ [Teissier 1994], особенно печати 28, 289, 442. Определенный интерес могут представить печати 3, 4, 6, 24, 69, 73, 75, 80, 89, 90, 95, 102, 103, 105, 111, 116, 161, 166, 171, 210, 222, 227, 232, 246, 300, 306, 320, 333, 338, 360, 364, 366, 371, 372, 401, 419, 427.

⁹⁴ [Günbatti 1997 (фотография и копия текста); Foster 2002; Gough 2006].

⁹⁵ [Michel 2006].

Различия двух групп населения

	Туземное население	Ассирийские торговцы
брак	Анатолийские вторые жены в колонии	Ассирийские жены в столице
право	Традиционные обычаи	Месопотамские законы
Социальные установления	Дворец царя	«Союз» (<i>kārum</i>) Каниша
Социальные функции	Советники царя	Эпонимы
Система обязательств и военная структура	Феодальные дарения (<i>tuzinnum</i> , <i>ubadinnum</i>)	Покровительство гражданам Ашшура
Свобода	Освобождение от повинностей	Защита граждан по государственным договорам
рабство	Купля и продажа туземных рабов и рабынь	Обряд освобождения раба
транспорт	Вьючные ослы	Повозки с лошадьми

Переоплетение наложения семиотических различий на этнические делает изучение многокультурной ситуации поучительным для социолингвистики и смежных дисциплин⁹⁶.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В СТАТЬЕ

- AAI – Aspects of arts and iconography: Anatolia and its neighbors. Studies in honor of N. Özgüç / M. Mellink, E. Porada, T. Özgüç (eds.). Ankara, 1993.
- AANE – Anatolia and the Ancient Near East. Studies in honor of T. Özgüç / K. Emre, R. Hroua, M. Mellink, N. Özgüç (eds.). Ankara, 1989.
- AKT – Ankara Kultepe Tabletleri. I: Ankara, 1990; II: Ankara, 1995; III: Ankara, 1995; IV: Ankara, 2006.
- AOAT – Alter Orient und Alte Testament. Neukirchen-Vluyn, 1969–.
- Assyria and Beyond – Assyria and Beyond. Studies presented to Mogens Trolle Larsen. Leiden, 2004.
- CHD – The Hittite dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / H.G. Güterbock, H.A. Hoffner, T.P.J. van den Hout (eds.). Chicago, 1980–2002.
- D – J.G. Dercksen. Some elements of the Old Anatolian society in Kaniš // Assyria and Beyond. Leiden, 2004.
- Kt – документы из Каниша под музейными индексами.
- L – E. Laroche. Les noms des Hittites // Études linguistiques. IV. Paris, 1966.
- OIP – Oriental Institute Publications. Chicago, 1924.
- StBo T – Studien zu den Boğazköy-Texten. Wiesbaden, 1965.
- Veenhof AV – Veenhof Anniversary volume. Studies presented to Klaas R. Veenhof on the occasion of his sixty-fifth birthday / W. H. van Soldt, J. G. Dercksen, N. J. C. Kouwenberg, Th. J. H. Krispijn (eds.). Leiden, 2001.
- ZA – Zeitschrift für Assyriologie.

⁹⁶ Содержание работы было изложено автором в докладах на 53-й Международной встрече ассириологов в Москве в июле 2007 г. и на Индоевропейской конференции в Лос-Анджелесе в ноябре 2007 г. Автор признателен С. Мишель и И. Якубовичу за замечания по обсуждаемым вопросам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
- Гиоргадзе 1966 – Г.Г. Гиоргадзе. *Rabi šimiltim* каппадокийских табличек // Вестник древней истории. 1966. № 3.
- Иванов 1957 – Вяч.Вс. Иванов. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 1.
- Иванов 1981 – Вяч.Вс. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
- Иванов 1990 – Вяч.Вс. Иванов. Об отдаленном родстве в пределах семьи: анатолийский и индоевропейский, юкагирский и уральский // *Uralo-Indogermanica*: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей: Мат-лы III балто-славянской конф. 18–22 июня 1990 г. М., 1990.
- Иванов 2001 – Вяч.Вс. Иванов. Хеттский язык. 2 изд., доп. М., 2001.
- Иванов 2004а – Вяч.Вс. Иванов. О значении лувийской поэзии и метрики для реконструкции праиндоевропейского стиха // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. III. М., 2004.
- Иванов 2004б – Вяч.Вс. Иванов. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских языков из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации: Сб. к 75-летию В. И. Сараниди. М., 2004.
- Цинциус 1982 – В.И. Цинциус. Негидальский язык. Л., 1982.
- Шилейко 1921 – В.К. Шилейко. Документы из Гюль-Тепе // Изв. Академии истории материальной культуры. I. П., 1921.
- Янковская 1968 – Н.В. Янковская. Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н.э. / Автографические копии, транскрипция / Пер., введ. ст., коммент. и глоссарий Н.В. Янковской. М., 1968.
- Янковская 1988 – Н.В. Янковская. Хурриты в Канише (Малая Азия, XIX в. до н.э.) // Кавказско-ближневосточный сборник. VIII. Тбилиси, 1988.
- Adiego 2007 – I.J. Adiego. The Carian language. Leiden, 2007.
- Albayrak 2004 – I. Albayrak. She will live, eat and be anointed together with them *ušbat, aklat u paššat ištišunu* // Assyria and Beyond Leiden, 2004.
- Balkan 1979 – K. Balkan. *Makriš* and *ašiš*, componential parts of wagons and ploughs respectfully in a Cappadocian tablet from // *Florilegium Anatolicum*. Paris, 1979.
- Bartholomae 1979 – Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch zusammen mit den Nacharbeiten und Vorarbeiten. Berlin; New York, 1979.
- Bilgiç 1945–1951 – E. Bilgiç. Die Ortsnamen der «kappadokischen» Urkunden im Rahmen der alten Sprachen Anatoliens // *Archiv für Orientforschung*. Bd. 15. 1945–1951.
- Blažek 1999 – V. Blažek. Numerals. Comparative-etymological analysis and their applications. Brno, 1999.
- Boysan-Dietrich 1987 – N. Boysan-Dietrich. Das hethitische Lehmhaus aus der Sicht der Keilschriftquellen. Heidelberg, 1987.
- Carruba 1992 – O. Carruba. Luwier in Kappadokien // *La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien*. Paris, 1992.
- Collins 2006 – B.J. Collins. Pigs at the Gate. Hittite pig sacrifice in its Eastern Mediterranean context // *Journal of Ancient Near Eastern religions*. V. 6. 2006.
- Čop 1979 – B. Čop. Indogermanisch-Anatolisch und Uralisch // E. Neu, W. Meid (Hrsg.). *Hethitisch und Indogermanisch*. Innsbruck, 1979.
- Delitzsch 1893 – F. Delitzsch. Beiträge zur Entzifferung und Erklärung der Kappadokischen Keilschrifttafeln // *Abhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*. 14. Leipzig, 1893.
- Dercksen 2001 – J.G. Dercksen. When we met in Hattuš // *Veenhof AV*. 2001.
- Dercksen 2004 – J.G. Dercksen. Old Assyrian Institutions. Leiden, 2004.
- Dercksen 2005 – J.G. Dercksen. Again on Old Assyrian *tuzinnu* // *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires*. 2. 2005.
- Dercksen 2007 – J.G. Dercksen. On Anatolian loanwords in Akkadian texts from Kültepe // *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie*. 97. 2007.
- Donbaz 1986 – V. Donbaz. Publications of the Kültepe tablets housed in Ankara. – Keilschriftliche Literaturen // *Ausgewählte Vorträge der XXXII Rencontre assyriologique Internationale*. Münster, 1986.
- Donbaz 1989 – V. Donbaz. Some remarkable contracts of Ib period Kültepe tablets // *AANE*. 1989.
- Donbaz 1993 – V. Donbaz. Some remarkable contracts of I-B period Kültepe tablets. II // *AAI*. 1993.

- Donbaz 1996 – V. Donbaz. Kültepe tabletleri ışığında i.ö. 2000–1760 yıllarında Anadolu'nun sosyal yapısı // Yılı Anadolu Medeniyetleri Müzesi Konferansları. 1996.
- Donbaz 2001 – V. Donbaz. MAHAR PATRIM AŠŠUR- a new interpretation // Veenhof AV. 2001.
- Donbaz 2004a – V. Donbaz. Some remarkable contracts of 1-B period Kültepe tablets. III // Šarnikzel. Hethitologische Studien zum Gedanken am E.O. Forrer. Dresden, 2004.
- Donbaz 2004b – V. Donbaz. Some Old Assyrian texts with rare terminology // Assyria and Beyond. 2004.
- Donbaz, Veenhof 1985 – V. Donbaz, K. Veenhof. New evidence for some old Assyrian terms // Anatolica. 12. 1985.
- Eidem 2004 – J. Eidem. In the names of Aššur // Assyria and beyond. Leiden, 2004.
- Foster 2002 – B. Foster. The Sargon parody // Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires. 4. 2002.
- Friedrich 1962 – J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Ergänzungsheft 2. Heidelberg, 1962.
- Friedrich-Kammenhuber 1975 – J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch / Bearb. von A. Kammenhuber. Bd. I–III. Heidelberg, 1975–.
- Garelli 1963 – P. Garelli. Les assyriens en Cappadoce // Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut français archéologique d'Istanbul XIX. Paris, 1963.
- Golénischeff 1891 – W.S. Golénischeff. Vingt-quatre tablettes cappadociennes de la collection W. Golénischeff. St.-Petersburg, 1891.
- Götze 1953 – A. Götze. The theophorous elements of the Anatolian proper names from Cappadocia // Language. 29. № 3. 1953.
- Götze 1954 – A. Götze. The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names // Journal for cuneiform studies. V. VIII. 1954.
- Götze 1960 – A. Götze. Suffixes in Kanishite proper names // Revue hittite et asianique. 18. 1960.
- Gough 2006 – M.A. Gough. Historical perception in the Sargonic literary tradition // Rosetta. 1. 2006.
- Günbatti 1997 – C. Günbatti. 'Kültepe' den Akadli Sargon'a Ait Bir Tablet // Archivum Anatolicum. 3. 1997.
- Günbatti 2004 – C. Günbatti. Two treaty texts found in Kültepe // Assyria and beyond. Leiden, 2004.
- Haas 1982 – V. Haas. Hethitische Berggötter und hurritische Steindämonen. Mainz-am-Rhein, 1982.
- Hawkins 2000 – J.D. Hawkins. Corpus of hieroglyphic luwian inscriptions. V. I. Inscriptions of an Iron Age, pts 1, 2, 3. Berlin; New York, 2000.
- Hecker 1997 – K. Hecker. 'Über den Euphrat... Ortszogene Restriktionen in altassyrische Kaufurkunden' // Archivum Anatolicum. 3. 1997.
- Hecker 1997a – K. Hecker. Altassyrische Texte // Texte aus der Umwelt des Alten Testaments. Neue Folge. Texte zum Rechts- und Wirtschaftsleben. Gütersloh, 1997.
- Hecker 2004 – K. Hecker. Beim Tode unseres Vaters // Assyria and beyond. Leiden, 2004.
- Hecker, Kryszat, Matouš 1998 – K. Hecker, G. Kryszat, L. Matouš. Kappadokische Keilschrifttafeln aus den Sammlungen des Karluniversitäts Prag. Praha, 1998.
- Hocart 1936 – A.M. Hocart. Kings and Councillors. Cairo, 1936 (repr.: Chicago, 1970).
- Hoffner 1974 – H.A. Hoffner. Alimenta Hethaeorum // Food production in Ancient Asia Minor. New Haven (Connecticut), 1974.
- Ivanov 2002 – Vyach. V. Ivanov. Comparative notes on Hurro-Urartian, Northern Caucasian and Indo-European // Languages and their speakers in Ancient Eurasia. Dedicated to Prof. A. Dolgopolsky on his 70-th birthday / V. Shevoroshkin, P. Sitwell (eds.). Canberra, 2002.
- Jensen 1894 – P. Jensen. Die kappadokischen Keilschriftzeichen // ZA. 9. 1894.
- Kassian 2002 – A.S. Kassian. Glossary of verbal forms and derivatives from published Old Hittite texts // V. Shevoroshkin, P. Sitwell (eds.). Anatolian languages. Canberra, 2002.
- Kennedy, Garelli 1960 – D.A. Kennedy, P. Garelli. Seize tablettes cappadociennes de l'Ashmolean Museum d'Oxford // Journal of cuneiform studies. V. 14. № 2. 1960.
- Kienast 1984 – B. Kienast. Das altassyrische Kaufvertragsrecht. Stuttgart, 1984.
- Krecher 1969 – J. Krecher. Verschlusslaute und Betonung im Sumerischen // AOAT. 1. 1969.
- Kryszat 2004 – G. Kryszat. Zur Chronologie der Kaufmannsarchive aus der Schicht 2 des Kārum Kaniš // Studien und Materialien. Old Assyrian archives. V. 2. Leiden, 2004.
- Laroche 1980 – E. Laroche. Glossaire de la langue hurrite // Études et commentaries. 93. Paris, 1980.
- Larsen 2002 – M.T. Larsen. The Aššur-nada archive // Old Assyrian archives. V. 1. Leiden, 2002.
- Melchert 1973 – C.H. Melchert. Hittite *ḫašša ḫanzašša* // Revue hittite et asianique. T. XXXI. 1973.
- Melchert 1993 – C.H. Melchert. Cuneiform Luwian lexicon. Chapel Hill, 1993.
- Melchert 2004 – C.H. Melchert. A dictionary of the Lycian language. Ann Arbor; New York, 2004.
- Michel 1997 – C. Michel. Une incantation paléo-assyrienne contre Lamaštum // Orientalia. N. Ser. 66. 1997.
- Michel 2001 – C. Michel. Correspondance des marchands de Kaniš au début du II-me millénaire avant J.-C. Paris, 2001.

- Michel 2003 – C. Michel. Old Assyrian bibliography of cuneiform texts, bullae, seals and the results of the excavations at Aššur, Kültepe/Kaniš, Acemhöyük, Alişar and Boğazköy // Old Assyrian archives. Studies. V. 1. Leiden, 2003.
- Michel 2004 – C. Michel. Deux incantations paléo-assyriennes, une nouvelle incantation pour accompagner la naissance // Assyria and Beyond. 2004.
- Michel 2006 – C. Michel. Calculer chez les marchands assyriens du début du II-me millénaire av. J.-C. // <cultureMATH site expert ENS/DESCO>
- Michel, Garelli 1997 – C. Michel, P. Garelli. Tablettes paléo-assyriennes de Kültepe. V. 1. Paris, 1997.
- Milewski 1969 – T. Milewski. Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.
- Nagy 1990 – G. Nagy. Greek mythology and poetics. Ithaca; London, 1990.
- Neu 1974 – E. Neu. Der Anitta-Text // St BoT. 14. Wiesbaden, 1974.
- Neu 1996 – E. Neu. Das hurritische Epos der Freilassung I. Untersuchungen zu einem hurritisch-hethitischen Textensemble aus Hattuša // St BoT 32. Wiesbaden, 1996.
- Neumann 1974 – G. Neumann. Hethitisch *nega*- 'die Schwester' // Antiquitates indogermanicae. Innsbruck, 1974.
- Nikolaev, Starostin 1994 – S.L. Nikolaev, S.A. Starostin. A North Caucasian etymological dictionary. Moscow, 1994.
- Omura 2002 – S. Omura. Preliminary report on the 16th excavation at Kaman-Kalehöyük (2001). Kaman-Kalehöyük II // Anatolian archeological studies II. 2002.
- Pomponio, Xella 1997 – F. Pomponio, P. Xella. Les dieux d'Ebla // Étude analytique des divinités éblaïtes à l'époque des archives royales du III-me millénaire. Münster, 1997.
- Puhvel 1991 – J. Puhvel. Names and numbers of the Pleiads // Q.A.S.Kaye (ed.). Semitic studies in honor of W. Leslau. Wiesbaden, 1999.
- Römer 2001 – W.H.Ph. Römer. Zu einem ungewöhnlichen Hauskaufurkunde aus Kültepe, 2001 // Veenhof AV. 2001.
- Rosenkranz 1978 – B. Rosenkranz. Vergleichende Untersuchungen der altanatolischen Sprachen // Trends in linguistics. State-of-the-Arts Reports. 8. The Hague, 1978.
- Singer 1996 – I. Singer. *Muwatallis'* Prayer to the Assembly of Gods through the Storm-God of Lightning. Atlanta, 1996.
- Singer 2000 – I. Singer. Semitic *dagān* and Indo-European **dheghom*: Related words // Y. Arbeitman (ed.). The Asia Minor connection. Louvain, 2000.
- Starke 1990 – F. Starke. Untersuchung zur Stammbildung des keilschriftluwischen Nomens // S Bo T 31. Wiesbaden, 1990.
- Starke 1993 – F. Starke. Zur Herkunft von akkad. *talurgumannum* «Dolmetscher» // Welt der Orient. 24. 1993.
- Starostin 2003 – S.A. Starostin. Nostratic etymology // <starling.rinet.ru>
- Starostin, Dybo, Mudrak 2003 – S.A. Starostin, A.V. Dybo, O. Mudrak. Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, 2003.
- Stephens 1944 – F.J. Stephens. Old Assyrian letters and business documents // Babylonian inscriptions in the collection of James B. Nies. Yale University, 1944.
- Sturm 2001 – Th. Sturm. PUZUR-ANNA- ein Schmied des Kārum Kaniš // Veenhof AV. 2001.
- Süel, Soysal 2007 – A. Süel, S. Soysal. The Hattian-Hittite foundation rituals from Ortaköy // Anatolica. 33. 2007.
- Tänberg 1994 – A. Tänberg. Der geographische Horizont der Texte aus Ebla. Untersuchungen zur eblaitischen Toponymie. München, 1994.
- Teissier 1994 – B. Teissier. Sealings and seals on texts from Kültepe Kārum Level 2. Istanbul, 1994.
- Tischler 1977–1998 – J. Tischler. Hethitisches etymologisches Glossar. Bd. I–II. Innsbruck, 1977–1998.
- Tischler 1995 – J. Tischler. Die kappadokische Texte als älteste Quelle indogermanischen Sprachgutes // O. Carruba, M. Giorgieri, C. Mora (eds.). Atti del II congresso internazionale di Hittitologia. Pavie, 1995.
- Ünal 1999 – A. Ünal. A Hittite foundation riteual on the occasion of building a new fortified border town // Studi e testi. Firenze, 1999.
- Van den Hout 2005 – T. Van den Hout. Institutions, vernaculars, publics; the case of second-millennium Anatolia // S.L. Sanders (ed.). Margins of writing, origins of cultures. Chicago, 2005.
- Veenhof 1970 – K.R. Veenhof. Рец. на кн.: [Янковская 1968]: Bibliotheca Orientalis. 27. 1970.
- Veenhof 1972 – K.R. Veenhof. Aspects of old Assyrian trade and its terminology // Studia et docunta ad iura Orientia Antiqui pertinentia. V. X. Leiden, 1972.
- Veenhof 1995 – K.R. Veenhof. Old Assyrian *išurtum*, Akkadian *ešērum* and Hittite GIŠ.HUR // Mélanges Ph. H. Houwink ten Kate. 1995.
- Veenhof 2001 – K.R. Veenhof. The old Assyrian list of year eponyms from Kārum Kanish and its chronological implications. Ankara, 2001.
- Von Soden 1985 – W. Von Soden. Akkadisches Handwörterbuch. Bd. I. Wiesbaden, 1985.